

РУССКАЯ АРМІЯ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИСКУССТВЪ, ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Томъ III.

Контора журнала помѣщается:
на Вас. Остр. 5 лин., д. № 10, кв 2.

2 Января 1877 г.

Цѣна за годъ, съ пересылкою, 10 р.
Въ отдѣльной продажѣ за номеръ 30 к.

№ 1.

Главнокомандующій дѣйствующею арміей, Его Высочество, Великій Князь, Николай Николаевичъ Старшій.

Слово отъ редакціи.

Тяжелый годъ пережила русская литература! Никто не остался чистъ въ эту эпоху пасквиля по преимуществу. Ни нравственное достоинство, ни безупречное служеніе обществу не спасали отъ клеветы и позорныхъ инсинуаций. Была не полемика, а остервененіе. Принципы ступевались—выступали лица. Преслѣдовали не идею, не за знамя боролись. Нѣтъ. Обративъ литературу въ домъ терпимости, мы за мѣднымъ грошемъ гнались съ такимъ откровеннымъ цинизмомъ, что наконецъ въ самыхъ глухихъ уголкахъ Россіи послышался громкій протестъ противъ этой оргіи самооплеванія. Доносы шли отовсюду. Выработался даже особенный литературный приѣмъ, практиковавшийся газетами, а именно указаніе въ статьѣ противника такихъ затаенныхъ мыслей, къ какимъ подлежащія мѣста и лица могутъ примѣнить ту или другую статью уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ отъ тюремнаго заключенія до каторги включительно. Литературные сыщики настолько натурализовались въ правахъ гражданства, доносъ такъ упрочился, что даже пересталъ глаза мозолить, въ обычное явленіе обратился. Не на доносъ обрушивались, а на его направленіе. „Доноси—только не въ томъ направленіи!“ Къ рѣшенію литературныхъ споровъ почти призывали полицію, противниковъ обвиняли въ государственнхъ преступленіяхъ. Честные и чистые люди, которые какъ праведники могли бы еще спасти современный Содомъ и Гоморру, стали подъ перьями пасквилянтовъ нарицательными именами всего подлаго и гадкаго. Не щадили никого, оплевавъ самихъ себя, стали швырять грязью въ мертвыхъ и живыхъ мучениковъ, народное движеніе Россіи, за распятое на крестѣ славянство—приписали литературному шантажу. Дошло до того, что самимъ мусорщикамъ этимъ нѣкуда дѣваться стало, дышать нѣчемъ! Въ концѣ концовъ, даже современный богъ воровъ и мошенниковъ—Меркурій Струсбергъ изъ залы московскаго Окружнаго Суда, преподаль намъ нѣсколько уроковъ честности и нравственности! мысль оскудѣло, чувство притушилось; царство мрака казалось непрогляднымъ и безразсвѣтнымъ.

Въ эту тяжелую годину мы поняли свѣточъ искусства! Мы не обманывали себя; не будетъ онъ горѣть яркимъ свѣтомъ—но до конца мы станемъ поддерживать въ немъ огонекъ, чтобы на свѣтъ его шли бродящія ошупью. На нашемъ знамени написаны только два слова: красота и правда! И за нихъ мы будемъ бороться до конца, отстаивая все, что намъ дорого и свято. Не лицу или партіи станемъ служить мы. Если мы и рядовые бойцы, за то мы обѣщаемъ быть солдатами праваго дѣла и не продаваться могущественному литературному союзнику. Мы стояли особнякомъ въ нашей прессѣ и мы дорожимъ этимъ положеніемъ, оно насъ спасло отъ необходимости участвовать въ сатурналіяхъ доноса, клеветы и реакціи. Всякій дѣлаетъ свое дѣло, какъ можетъ!... Оно и впередъ даетъ намъ право обѣщать, что на страницахъ нашего журнала никто не наталкнется на грязь, на безумную злобу,

отъ которыхъ вскипаетъ кровь въ русскомъ человѣкѣ. Нѣсколько разъ можетъ измѣниться общественное настроеніе: мужество смѣнится трусостью, сегодняшнія сочувствія—завтрашними антипатіями, но мы будемъ стойки на своемъ посту и обѣщаемъ вѣрность русскому дѣлу, какъ дѣлу чести, правды и свободы!

Бѣгунки. *)

Глава I

Рекрутъ.

— Батюшка, не забуди, заставь вѣчно за тебя Богу молиться,—говорилъ молодой парень, валяясь въ ногахъ у пожилаго крестьянина, равнодушно слушавшаго мольбу его и вязавшаго сѣти.

— Отвяжись,—сердито отвѣчала отецъ, оттолкнувъ ногою сына.

— Возьми *наймита*. Митюшка охотится и недорого просить, всего двѣсти. Деньги въ два года верну; пойду плотничать, заработаю. Заставь вѣчно Бога молить, упрасивалъ сынъ, валяясь въ ногахъ у отца.

— Ты прежде спроси, есть ли у отца деньги то, возразила изъ чулана мать.

— Какъ небыть деньгамъ.

— Тебѣ, Степка, дѣла нѣтъ до моихъ денегъ. Сказано иди въ солдаты и шабашь.

— Сынъ всталъ.

— Деньги наши общія, заговорилъ онъ, я вмѣстѣ съ братомъ работалъ, и тебѣ же сносили всѣ заработки. Какъ бы знамо да вѣдомо было, лучше бы припрятать самому, накопилъ бы на наймита.

— Поди у тестя попроси, можетъ и выручить. Алъ Малашку свою пошли, она изъ богатой семьи взята у тебя, со злобой замѣтила мать.—Слухалъ бы отца, а жена мать почитала, не было бы и бѣды съ тобой, а вздумалъ жить по своей волѣ, такъ и дѣлай, какъ знаешь.

— Семень, побойся Бога,—бросимъ жребій, пусть будетъ на то воля Божья, умолялъ Степанъ брата, ковырявшаго лапотъ при свѣтѣ лучины.

Братъ молчалъ.

— Не бѣдь тебѣ жеребья, сказано иди и пойдешь въ солдаты, вмѣшался отецъ.

— Ну и пойду, и вамъ не много радости будетъ, злобно отвѣтилъ Степанъ, и вышелъ изъ избы.

— Грозить еще вздумалъ, заговорила мать.

— Пускай его; ушлютъ, не скоро вернется, сказалъ отецъ.

— Хоть бы Малашку то съ собой бралъ.

— Бабъ съ некрутами не берутъ. А послѣ увидимъ.

— Хоть бы къ отцу шла. Что ей у насъ дѣлать?

— Зачѣмъ пойдеть; голоду не видала, что ли?

— Вражиться останется со мной да Марьей.

— Безъ мужа притихнетъ, а коли что уймешь. Собирай ка ужинать.

— Марья накрывай на столъ, сказала мать и принялась вытаскивать горшки изъ печи.

Ночь была морозная, свѣтлая, мелкія снѣжинки вились какъ пыль въ воздухъ и блѣстѣли, озаряемыя луной, высоко стоявшей надъ деревней и окруженной радужнымъ отблескомъ. Въ избахъ, разбросанныхъ по разнымъ направленіямъ, окна освѣчивали багровымъ свѣтомъ отъ горѣвшей лучины. Никого не было на улицѣ, даже собаки попрятались отъ холода, тишину только изрѣдка нарушали втрески мороза.

*) Бѣгунками въ народѣ зовутъ вообще всѣхъ бѣглыхъ.

Степанъ стоялъ, прислонившись къ углу избы и укутывая въ тулупъ Маланью, припавшую къ нему и плакавшую.

— Не плачь Малаша, не убивайся; не на вѣкъ растаемся, скоро Богъ дастъ свидимся, утѣшаль мужъ.

— Угонять Богъ знаетъ куда.

— Не тужи, говорю, не надолго разлучимся.

— Забѣдятъ безъ тебя и свекровь и невѣстка, житья не будетъ.

— Потерпи, не долго, вѣрно говорю, что скоро увидимся.

— Не утѣшай напрасно. Угонять на конецъ свѣта, и вѣсточки не получишь. Черезъ меня ты пропадешь; не слушать бы мнѣ тебя безчастной, не выходить бы за тебя уходомъ, не было бы этой бѣды.

— По своей волѣ ушелъ бы тогда въ солдаты. Да ты не кручинься, не изводишь напрасно; вѣрно слово—скоро свидимся.

— Безъ тебя обневолать они въ свою вѣру меня. Что я заведу дѣлать?

— Не задорься ты съ ними. Исподволь оттягивай да оттягивай, пока не вернусь. Одна смерть меня только остановитъ. Мнѣ жизнь безъ тебя не въ жизнь, косатка моя; вернусь къ тебѣ, будь увѣрена вернусь.

— Ужинать идите, кликнула Марья.

— Ыште сами на здоровье; накормили насъ досытъ.

— Нечего гнѣваться на хлѣбъ соль, грѣшно, божій даръ.

— Марья ушла.

— Ты безъ меня покорись имъ, больше смалчивай да не убивайся такъ горько.

— Не знаю и не придумаю, какъ жить безъ тебя?

— Не легко, косатка моя! Да не долго помаешься. Выручу, не зоблится. Только... онъ пристально посмотрѣлъ на жену и замаялся.

— Безчастная зародилась на свѣтъ моя головушка безсталанная, заголосила Маланья, судорожно сжимая мужа.

— Слушай, Маланья, что я тебѣ скажу Женская горестъ перекидчива; подвернется соколъ ясный и кручина забыта... заговорилъ Степанъ.

Маланья подняла свои большіе голубые глаза и смотрѣла вопросительно.

Степанъ смутился. Онъ откашлялся и заговорилъ:

— Неровень часъ; врагъ силенъ, смущалъ не такихъ, какъ тебя, не введи въ грѣхъ меня. Убью и тебя и того, кого ты полюбишь. Вотъ те Христосъ убью.

— Степанъ Кузьмичъ! не прибавляй мнѣ горя къ горю, мнѣ и безъ того тяжело, а ты еще на меня такую напраслину накликаешь. Алъ я тебя не любила! Алъ ты забылъ, что я не боялась родительскаго проклятія, бросила отца съ матерью и ушла за тебя. Мнѣ и теперь еще въ свою деревню глазъ показать нельзя, меня и теперь всѣ корятъ, что я, православная пошла охотой за старовѣра. Нѣтъ, ты—или могила, больше мнѣ выбирать нечего.

— Да я такъ, къ слову сказалъ. Врагъ силенъ. Ты только не кручинься, не изводи себя напрасно, я вернусь къ тебѣ, повѣрь Богу, вернусь, говорилъ смущенный Степанъ.

Маланья рыдала и судорожно вздрагивала.

— Пойдемъ въ избу, тебя никакъ морозъ прохватилъ, косатка моя, сказалъ Степанъ и поволокъ въ охапкѣ жену домой, а та едва переставляла ноги.

Въ избѣ уже спали, а на палатяхъ до свѣта слышались сдержанныя рыданія Маланьи и тяжелые вздохи Степана.

Разсвѣло. Поднялись въ избѣ; мать затопила печь и принялась стряпать, Семень отравился поить лошадей, Марья прибирала коровъ. Отецъ

сидѣлъ на лавкѣ, и прилаживалъ суконныя онучи къ ногамъ. Степанъ съ Маланьей не сходили еще съ палатей.

Раздался стукъ подъ окномъ. Кузьма отодвинулъ одну половицу рамы и высунулся въ окно.

— Кому въ корень запрягать? мнѣ аль тебѣ, Кузьма? раздался на улицѣ голосъ.

— Да ты кого запрячь собираешься, кобылу, аль мерина? спросилъ Кузьма.

— Да кого? Мнѣ все едино, хотъ кобылу, хотъ мерина.

— А коли все едино, такъ какъ хошь.

— Ты скажи толкомъ, я такъ и ладиться буду.

— Чего ладиться? у меня тоже все готово.

— Дровни-то твои, что-ли будутъ?

— Мои такъ мои; мнѣ дровень не жалко.

— Такъ кого же въ корень-то?

— Да ты кого впрягаешь,—кобылу аль мерина?

— Мнѣ все едино.—Хотъ кобылу, хотъ мерина.

— Кобыла то твоя жереба?

— Жереба.

— Вишь какой разъ! Мѣсто не близко. Вереть около двухъ сотъ будетъ.

— Лишь бы не больше.

— Такъ какъ ты думаешь? Кобылу аль мерина впрячь.

— Можно и кобылу.

— Не было бы ей грузно, дорога дальняя.

— Много-ль васъ поѣдетъ то?

— Ты поѣдешь?

— Я то?

— Ну да.

— Мнѣ за чѣмъ? А коли нужно пожалуй, можно вѣдь.

— Племянника что-ль провожать?

— Что мнѣ его провожать,—сѣдетъ и безъ меня.

— Такъ зачѣмъ же ты поѣдешь?

— Пожалуй я и не поѣду. А коли нужно, такъ чтожь станешь дѣлать.

— Коли ты не поѣдешь, такъ насъ всего трое поѣдетъ:—я, Степка да Ванька твой.

— А поклажа будетъ?

— Какой поклажѣ быть? двѣ котомки. Можеть ты что нибудь повезешь?

— А я што? Какая отъ меня поклажа? Тамъ Ванькѣ бабы пироговъ напекли въ дорогу.

— Самъ-то ты собираешься?

— Чего мнѣ собираться? Коли надо, пожалуй, поѣду.

— Ну такъ кого же ты впрягать то собираешься?

— Мнѣ то ѣхать?

— Тебѣ-то? Какъ хочешь.

— На морозѣ зябнуть большой охоты нѣтъ. А въ случаѣ... дѣлать нечего, не хошь да поѣдешь.

— Вошелъ Семень.

— Вотъ Сидоръ спрашиваетъ, кому въ корень впрягать, обратился Кузьма къ сыну.

— А кто хочеть. Хотъ мы, хотъ онъ, отвѣчалъ Семень.

— Вотъ Сенька говоритъ, что кто хошь,—хотъ мы въ корень впряжемъ, хотъ ты, обратился Кузьма за окно къ Сидору.

— Да и я же про то толкую, хотъ ты впряжешь, хотъ я. Мнѣ все едино.

— Да ты кого собираешься впрячь, кобылу, аль мерина?

— Мнѣ все едино, кого не впрячь.

— Кобыла-то у тебя жереба?

— Жереба.

— Ишь какой разъ. Дорога то дальняя.

— Небось и ухабовъ много, поди разбита, теперъ извоцигъ пойдетъ.

— Извѣстное дѣло, санный путь установился, такъ извоцигъ пойдетъ.

— Кто же въ корень то впрягать будетъ?

— Да хотъ ты, хотъ мы впряжемъ.

— А дровни то чьи?

— Мнѣ дровень не жалко.

— Ты скажи толкомъ, кого ты впрягать-то будешь.

— Да хотъ бы кобылу.

— Она у тебя жереба?

— Жереба то жереба.

— Смотри, въ сносъ ли ей будетъ. Дорога дальняя.

— Меринъ то у меня рѣзовъ больно; въ корню то какъ бы не надсадился.

— Чего ему надсадиться? Развѣ возъ большой будетъ?

— Какъ вы, а отъ меня какому возу быть?

— Тебѣ толкомъ сказано, что мы вдвоемъ со Степкой поѣдемъ, да двѣ котомки будетъ, ну Ванька еще твой?

— А мнѣ то ѣхать?

— Какъ хочешь.

— Зябнуть по напрасно мнѣ нѣтъ охоты.

— А нѣтъ охоты, то и не ѣзди.

— Ну и не поѣду.

— Такъ что же—говори дѣломъ.

— Не хотѣлось бы въ корень мерина; больно рѣзовъ.

— Тогда мы своего запряжемъ пѣгаго.

— Въ корень-то кого-же?

— Кого-же! пѣгаго.

— Коли такъ, я пойду ладиться.

— Чего ладиться? Веди мерина, вотъ и все.

— Ладно же.

Сидоръ пошелъ прочь, а Кузьма задвинулъ окно. Снова раздался стукъ.

— Что такое еще? спросилъ Кузьма, взглянувъ въ окно.

— Постромки-то, я и забылъ спросить, нести что-ли?

— Какъ хочешь.

— Можеть у васъ есть?

— Найдёмъ.

— Нести ли постромки?

— Говорять тебѣ, какъ хочешь?

— Принести можно. Можеть у васъ и найдутся.

— Еще бы не найтись. Я думаю и прилажены. Сенька! постромки то прилажены?

— Прилажены. Я еще вчера все уладилъ.

— Вотъ Сенька говоритъ, что постромки прилажены.

— Такъ не надо?

— Пожалуй, не надо.

— Эка скула! Лезжить, какъ бы чего лишняго съ него не сошло — проговорилъ Кузьма, затворивъ окно.

Маланья повалилась въ ноги Кузьмѣ.

— Батюшка! возьми меня съ собой проводить Степу въ городъ, взмолилась она.

— Да, тебя взять,—тройку впрягать надо; безъ тебя возъ будетъ,—отвѣчалъ Кузьма.

— Я не огружу,—я пѣшкомъ за вами пойду.

— Такъ вотъ мы для тебя шагомъ и поѣдемъ.

— Батюшка, возьми.

— Отстань, еще что выдумаетъ.

— Давайте ѣсть. Вонъ ужъ Сидоръ мерина привелъ.

Сѣли за столъ, Степанъ съ Маланьей не сѣли ни кусочка, первый сидѣлъ какъ убитый, только глаза его сверкали какимъ то злобѣщимъ свѣтомъ, Маланья плакала навзрыдь.

Далеко на концѣ деревни послышались вой и причитанье и стали приближаться.

Скоро толпа народа съ воемъ подвалила къ избѣ.

Кузьма всталъ изъ-за стола.

— Ну, пора, Ваньку привели,—сказалъ Кузьма. Степанъ сталъ передъ образами на колѣни. Отецъ взялъ съ иконника мѣдныя створцы и благословилъ сына, мать благословила сына хлѣбомъ-солью. Пошло прощанье. Бабы завывали. Заголосила мать и начала причитать, называя сына всѣми любезными именами, ей вторила старшая невѣстка. Маланья рыдала, ухватившись за мужа. Въ избу нахлынула толпа, пошло прощанье съ сосѣдями, поднялся страшный вой.

— Съ Богомъ, въ дорогу,—сказалъ Кузьма. Всѣ двинулись на улицу. Безъ словъ и безъ мысли Маланья смотрѣла на мужа и такъ вѣпилась въ него, что трое мужиковъ насилу ихъ розняли.

— Прощай, Маланья, косатка моя, и помни мой наказъ, сказалъ Степанъ. Лошади двинулись и вся деревня съ воемъ пошла провожать.

За околицей по немногу начали отставать сосѣди, они стояли и смотрѣли влѣдъ отъѣзжающимъ.

На перелѣскѣ начали прощаться.

Съ дикимъ воплемъ кинулась на шею къ мужу Маланья и замерла.

— Охъ, ты, моя горькая доля, глухо произнесъ Степанъ, изъ глазъ у него показались слезы.

Эта послѣдняя сцена у всѣхъ вызвала рыданья, только Кузьма одинъ остался безстрастенъ, онъ силой разлучилъ мужа съ женой, сѣлъ на сани и погналъ лошадей.

Маланью безъ чувствъ поволокли домой. У околицы она вдругъ вырвалась изъ рукъ бабъ и бросилась догонять уѣзжающихъ съ дикимъ отчаянiемъ взывая: „Степушка, Степа, Степа“!

За ней погнались, но она неслась какъ вихрь, а между тѣмъ пара дюжихъ лошадей унесла изъ виду ея мужа.

За версту отъ деревни подняли Маланью безъ памяти, отнесли домой на печь и несчастная до сумерекъ пролежала безъ памяти.

Глава II.

Д е б р и.

Сѣверный край Россiи покрытъ лѣсомъ на огромныя пространства и чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ больше и гуще тянутся дремучiе лѣса, болотистая почва стелется безграничною равниною, пересѣкаемою озерами, рѣками и рѣчками. Въ этихъ пустыняхъ и дебряхъ жизнь проявляется вяло. Только ели и красныя сосны съ густыми верхушками придаютъ пустынѣ печальный видъ, валежникъ, заполняющiй весь лѣсъ, дѣлаетъ ее еще печальнѣе. Въ ней нѣтъ той жизни растительной и животной, какъ въ дѣвственныхъ американскихъ лѣсахъ, хотя и наши лѣса также дѣвственны, дебри ихъ также недоступны людямъ: ровные стволы деревъ поднимаются на изумительную высоту, но подъ тѣнью ихъ не путаются сѣтью лианы,—а растеть кое-гдѣ тощiй папоротникъ, мохъ, да брусника. Даже звѣри не забираются въ эту глушь, развѣ бойкая бѣлка оживить его своимъ суетливымъ прыганьемъ,—да залетять рябчики на время. Глухо шумитъ этотъ лѣсъ, волнуемый постоянными вѣтрами, мрачно отдается шумъ, вторимый безконечнымъ эхомъ. Сплошная масса темной зелени застилаетъ весь верхъ и солнечный лучъ, украдкой пробившись сквозь чащу, свѣтлыми пятнами перебѣгаетъ по ровнымъ стволамъ вѣковыхъ деревъ. Ничто не нарушаетъ въ немъ торжественной ночи безмолвiя, только падающiе сучья своимъ стукомъ о стволы деревъ, да крикъ филина, повторяемый эхомъ, какъ демонскiй смѣхъ, тревожатъ обитателей этой пустыни. Ровные стволы, какъ колонны подпираютъ сплошной темно-зеленый покровъ, подъ кото-

ЖАРТИННАЯ ГАЛДЕРЕЯ „ПЧЕЛЫ“.

ПРИЯТНОЕ СЪ ПОЛЕЗНЫМЪ,
СЪ КАРТИНЫ В. Е. МАНОВСКАГО.

ЖАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ "ПЧЕЛЫ".

СТАРОЕ СТАРЬЕТСЯ — МОЛОДОЕ РОСТЕТЬ,
с картины И. Соколова.

рымъ постоянный полумракъ придаетъ фантастическія формы обломаннымъ бурей и обожженнымъ молніею стволамъ. Самые обыкновенные звуки принимаютъ въ этихъ дебряхъ изумительные размѣры; если бы случайно раздался въ нихъ человѣческій голосъ, онъ бы скорѣе походилъ на отдаленные перекаты трубнаго звука, въ немъ бы нельзя было узнать ничего человѣческаго. Даже дождь въ немъ падаетъ особенно; крупными каплями онъ скатывается съ густыхъ вершинъ и производитъ звуки, похожіе на журчаніе каскадовъ. Порою, переберется чрезъ эту дѣбрь странствующій медвѣдь, переходя изъ одного мѣста на другое, встревоженный назойливыми людьми, или промчится стадо лосей, пріискивая лучшія пастбища. Нѣтъ въ немъ ни дорогъ, ни тропинокъ, изрѣдка кой-гдѣ иногда просачивается едва замѣтный ручей и не видно даже земли подъ густымъ сплошнымъ мохомъ. Зимой видъ этихъ дебрей еще печальнѣе. Все покрыто снѣгомъ, какъ саваномъ. Густой иней одѣваетъ стволы деревьевъ до самого верха и унижаетъ пушистой бахрамой всѣ вѣточки. Мелкія снѣжинки блестяхъ и искрятся, кружась между стволами деревьевъ. Нигдѣ не видно слѣда животнаго и не слышно никакого звука, кромѣ обыкновеннаго ровнаго и безконечнаго шума. Все сковано и мертво.

Ближе къ большимъ рѣкамъ эта дичь начинаетъ измѣняться, величіе дебри уступаетъ мѣсто жизни. Мѣстами появляются поляны, покрытыя густою зеленью, на нихъ зайцы зорко осматриваются, чтобы не попасть въ когти куницы или лисицы. Глухарь топочетъ, ни на что не обращая вниманія въ порывѣ страсти, то мелкія пташки порхаютъ, весело чирикаютъ, и однообразная стукотня дятла далеко раздается по лѣсу. За то здѣсь уже мельчаетъ и разнообразится порода лѣса. Кленъ, ясень, дубъ и осина мѣшаются съ елью и сосною и мѣстами проглядываютъ рябина, сверкая своими красными гроздьями на солнцѣ. Сюда и волкъ заглянетъ за поживой и медвѣдь забредетъ поохотиться, а иногда зайдетъ и человѣкъ. Тропинки скрецаются постоянно, протоптанныя звѣрами или проложенныя человѣкомъ. Ночная фіалка, ландышъ, незабудка и тощій голубой колокольчикъ песятъ зеленый коверъ мягкаго и теплаго луга.

Еще ближе молоднякъ (березнякъ) такъ густо занялся на горѣ, что зайцу не пробраться въ его чащѣ, а за нимъ ужъ выглядываютъ кусты вереска, калины, ракиты, деревья становятся рѣже и рѣже, кривыя—уродливыя сосны и ели жмутся къ огромнымъ осинамъ, а плакучая береза протягиваетъ свои долги вѣтви, какъ нити, чуть не до земли. За ними сплошной стѣной раскидывается лоза, до самой рѣки. Мѣстами только изъ этой живой ограды поднимается массивный тополь, склонившись своею густою вершиною надъ водою. Рѣзкіе крики гусей, свистъ отъ крыльевъ утокъ, жалобные стоны кулика, трескотня иволги и кукованье кукушки наполняютъ воздухъ. Надъ рѣкой и кустами темнымъ облакомъ застилаютъ пространство комары и мелкія мошки, ближе къ лѣсу снуютъ слѣпни, бѣлая бабочка вьется между кустовъ, преслѣдуя подругу; по стеблямъ ромашки, полевой астры и душистаго донника ползаютъ жучки всевозможныхъ видовъ. Надъ рѣкою парить рыболовъ и вдругъ, сложивъ крылья, камнемъ падаетъ въ воду и, схвативъ добычу, несетъ къ своему гнѣзду, широко помахивая своими длинными крыльями. Чайка плавно проносится надъ рѣкой, осматривая ея поверхность. Поднимется съ земли кобчикъ и, пронзительно вскрикнувъ, снова скроется въ кустахъ и, пронесаясь быстро надъ самою землею, опять подымется къ верху. Вечерней зарей раздаются пѣ-

сни соловья, притаившагося въ гущѣ тополя, ему откликнется другой и третій и пойдетъ целканье по всему берегу. Выпь (пугачъ) запуститъ свой здоровый носъ въ воду и для потѣхи крикнетъ, какъ лѣшій, самъ испугается своего голоса и притаится за кочкой. Настанетъ ночь и все смолкнетъ, только идетъ легкій шумъ, отъ жуужанья комаровъ, да иногда всплеснетъ рыба въ рѣкѣ. Въ тиши крадется за добычей свирѣпая норка и мелькаетъ въ травѣ горностаи, блестя своей бѣлой спиной. На зарѣ малиновка своей нѣжной пѣсенкой даетъ знать, что населеніе лѣса проснулось и за нею начнется обычный шумъ дневной жизни. Зимой морозъ закуетъ рѣку, а снѣгъ засыплетъ все и одѣнетъ бѣлымъ покровомъ. Скроется все,—или улетитъ въ теплый край, или запрячется въ норы и заснетъ крѣпкимъ сномъ до теплыхъ лучей весенняго солнца. Только голодные волки рыскаютъ за добычей.

Близость человѣка въ этой дебри замѣтна по слѣдамъ опустошеній, которыя онъ предпринималъ для удовлетворенія своихъ потребностей. У свѣжаго пня валяются вершины и сучья, а отъ него широкой полосой прорублена чаща для дороги. Снизу опаленная сосна стоитъ еще съ зеленой верхушкой, а кругомъ ея свѣжее пожарище, головни и зола покрываютъ почернѣлую и обгорѣвшую землю. На полянахъ, обнесенныхъ обгорѣлыми пнями, растутъ рожь или ленъ, а иногда и жито. Двѣ глубокихъ колеи ведутъ по направленію къ селенію. Еще ближе мягкій грунтъ изрытъ канавками, перекрещивающимися въ безчисленныхъ направленіяхъ, кусты опшмыганы, трава измята и порвана, — все растрепано; это—пастба, гдѣ скотъ пасется, терзаемый лѣтомъ слѣпнями и всякою мошкою. Вотъ изъ-за верхушекъ деревьевъ показался дымъ,—и почти самымъ задомъ уперлась крестьянская изба въ лѣсъ, а передъ нею разостлалась широкая равнина, покрытая хлѣбомъ, разрѣзанная рѣкою, а дальше опять лѣсъ подъ самое небо, какъ будто онъ только раздвинулся въ этомъ мѣстѣ — дать просторъ похозяйничать человеку.

Жалко смотреть деревнюшка, пріютившаяся у лѣса. Десятокъ курныхъ небольшихъ и кривыхъ избъ, скучившись, жмутся другъ къ другу. Грязная улица, изрытая животными, завалена разнымъ ломемъ. Колодезь съ полуразрушеннымъ срубомъ и скрипучимъ журавлемъ, къ которому привѣшанный шестъ махается и стонетъ, раскачиваемый вѣтромъ. Самое населеніе смотритъ запуганнымъ. Едва покажется чужой человѣкъ, — все съ улицы попрячется и выглядываетъ изъ щелей, притаившись за воротами и за косяками оконъ. Только собаки съ задорнымъ лаемъ встрѣтятъ за околицей и съ хрипотой отъ злости бросаются въ ноги. Никто, впрочемъ, не заглядываетъ туда, развѣ бѣглый забредетъ случайно или иногда проберется предприимчивый офеня съ коробкой. По дорогѣ, изрытой глубокими колеями, постоянно встрѣчаются расколотые пни, большіе камни и лужи. Мосты чрезъ ручьи и рѣчки скорѣе похожи на заподни, нарочно устроенныя, чтобы ловить проѣзжающихъ. На трехъ неровныхъ балкахъ въ корѣ и съ сучьями накиданы кой-какъ, ни чѣмъ не прикрѣпленныя, тонкія, круглыя и неровныя перекладыны, которыя какъ взойдешь на нихъ гнутся и вертятся подъ ногами. Верстъ десять тянется пустыней эта дорога, въ другомъ мѣстѣ на версту и больше высланная гнилыми жердями по болоту, которая съ трескомъ опускается въ воду подъ ногами путника, а по сторонамъ стоитъ высокой стѣной частый лѣсъ. Въ другомъ мѣстѣ подойдетъ прогалина, на огромное пространство зеленой скатертью стелется она, покрытая

сплошнымъ мохомъ. Нѣтъ на ней ни кустика, ни деревца, ни кочки. Бѣда, если свернуть съ кладокъ въ этомъ мѣстѣ: скрытая подъ мохомъ пучина поглотитъ неосторожнаго. Это заглохшее озерко, слабая поверхность котораго зыблется, когда переходитъ черезъ него человѣкъ по кладкамъ. Только днемъ, и то на жалкой мѣстной телегѣ, можно пробраться, впрочемъ, не совсемъ безопасно, по этой дорогѣ, тащась шагъ за шагомъ съ постоянными остановками. Если застала ночь, необходимо почевать на мѣстѣ, а не то или свалишься съ моста съ лошадыю въ воду, или свернешь въ пучину и утонешь. Для верховой ѣзды она еще неудобнѣе, лошадь подъ тяжестью сѣдока не въ состояніи вытягивать ногу изъ грязи. По ней только и ходу пѣшкомъ, да еще въ лаптяхъ, сапоги размокнутъ и не выстоятъ. Кромѣ лѣса и болота ничего не встрѣтишь, деревни не увидишь, пока не упрешься въ самую околицу. Чрезъ десятиверстное пространство встрѣтятся деревня, до того похожая на прежнюю, что на первый разъ покажется, что снова вернулся въ ту же деревню, изъ которой тащился цѣлый день, даже собаки совершенно схожи. Сотни такихъ деревень раскиданы по лѣсному сѣверному пространству, другія совершенно разобшены болотами съ большими дорогами и городами, изъ нихъ только по зимамъ выѣзжаютъ и то мужчины, а женское населеніе живетъ безвыходно и задичаетъ такъ, что смотреть на него жалко. Кругомъ все смотритъ дико и непривѣтливо, даже рѣки имѣютъ свою особенную фізіономію. Онѣ не вьются широкою лентою, а мѣстами выливаются чистое пространство быстрой проточной воды и скроется въ кустахъ, или до того сузится, что черезъ нее перешагнуть можно, или небольшими окнами просачивается сквозь мохъ и трясины. Весело встрѣтитъ въ этихъ мѣстахъ высокій боръ съ сосновымъ темнымъ лѣсомъ, съ песчанымъ грунтомъ, по крайней мѣрѣ подъ ногами чувствуется крѣпкая, твердая почва, а не мохъ и трясина. Бойко и бодро идетъ пѣшеходъ по этому мѣсту и лошаденка затруситъ мелкой рысью, вздымая пылъ ногами. За то въ боровыхъ мѣстахъ надо идти осмотрительно, а не то какъ разъ наступишь на змѣю. Свившись кольцомъ, змѣя спокойно лежитъ на дорогѣ, грѣясь на солнышкѣ, пока не встревожитъ прохожій, на котораго она подыметъ свою отвратительную голову, потрясая жаломъ и шипя отъ злости, поползетъ потихоньку въ сторону.

Непривѣтливо смотритъ эта дикая глушь, и нѣтъ охотниковъ поселятся въ ней. Удивляешься зачѣмъ забрались сюда люди. Конечно загнала ихъ неволя. Большая часть деревень возникла въ этихъ дебряхъ въ то время, когда шведы и литовцы раззоряли сѣверныя окраины Руси. Народъ бѣжалъ отъ враговъ въ лѣса и селился въ неприступныхъ мѣстахъ за болотами, ища себѣ защиты въ одной дикой природѣ. Въ ближайшее время бѣглые солдаты, крѣпостные крестьяне и дровосѣки заселяли эти мѣста и въ глуши незамѣтно возникали деревни,—это поколѣніе людей, загнанныхъ въ эту дѣбрь нуждою.

(Продолженіе будетъ).

На высотахъ спиритизма,

въести изъ разныхъ сторонъ міроваго пространства.

Записки медиума Давида Долгоглазова.

(Я. П. Полонскаго).

Предисловіе.

Записки эти найдены были мной между ворохами книгъ одной завѣщанной мнѣ библиотеки. Книги эти свалилъ я въ большіе кораба

и отдал на сохранение, так как поместить их у себя на квартирѣ не имѣлъ никакой возможности. Все, что я успѣлъ захватить съ собой—это двѣ рукописныхъ книжки, изъ которыхъ одна, писанная рукой самого завѣщателя, ничто иное какъ дневникъ, имѣ веденный во время своего заграничнаго путешествія. Другая, писанная рукой, мнѣ совершенно неизвѣстной, — съ разу обратила мое вниманіе, такъ какъ показалось мнѣ произведеніемъ чело-вѣка или сумасшедшаго, или гениальнаго. Авторъ рукописи называетъ себя *Давидомъ Долгоглазовымъ*; но псевдонимъ ли это, или это—настоящая его фамилія, не вѣдаю: никогда отъ роду ничего не слыхалъ я ни о какомъ Долгоглазовѣ. Помнится мнѣ, покойный пріятель мой говорилъ мнѣ что-то о какомъ-то медіумѣ, который будто бы разъ ночевалъ у него въ квартирѣ и до такой степени поразилъ его своими разсказами, что ему всю ночь чертъ знаетъ что мерещилось!

— Померещилось мнѣ, братецъ ты мой, говорилъ онъ, будто бы кто-то сидитъ у меня на постелѣ и въ потемкахъ натягиваетъ себѣ на ноги сапоги мои. Зажегъ я свѣчку, гляжу — никого нѣтъ. Погасилъ опять какой-то шутъ, — ходить у меня по комнатѣ, поскрипываетъ моими сапожками, наконецъ вынимаетъ изъ футляра мою складную шляпу, и, встряхнувъ ее, пробуетъ надѣть ее себѣ на голову; наконецъ, слышу, лезетъ за моими перчатками, и рвутся онѣ несчастныя по швамъ, такъ усердно старается онъ напялить ихъ себѣ на руки.

— Что-жь оказалось? спросилъ я.

— Да ничего, — по утрамъ нашель все въ порядкѣ и очень смѣялся, когда гость мой пресерьезно увѣрялъ меня, что ночью былъ у меня въ гостяхъ прадедъ мой, и что туалетъ мой неслуханно забавлялъ его. Существова на свѣтѣ еще во дни Екатерины, безвыѣздно онъ жилъ у себя въ деревнѣ, носилъ кафтанъ, соболью шапку, рукавицы и ни о какихъ французскихъ перчаткахъ, ни о какихъ складныхъ шляпахъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія....

Вотъ все, что я помню изъ разсказовъ моего невѣрующаго друга, и, могу только догадываться, что рукопись, предлагаемая мной благосклонному вниманію публики — есть произведе-ніе того самаго господина, который когда-то почему-то заходилъ ночевать къ нему.

Все, что вы, милостивые государи и милостивыя государыни, прочтете здѣсь, несомнѣнно удивитъ васъ. Можетъ быть всему этому вы охотно повѣрите, можетъ быть вообразите, что авторъ рукописи дурачить васъ, — все можетъ быть, но чтобы мнѣ, лично мнѣ, не быть передъ вами въ отвѣтѣ, я долженъ сказать вамъ, что предлагаю вамъ нѣчто въ родѣ новаго „*Не лобо не слушай, а мать не мншай*“.

ГЛАВА I.

Если г. Юмъ, извѣстный спиритъ или вызыватель душъ, покинувшихъ тѣлеса свои, есть въ нѣкоторомъ родѣ не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ, не только въ Америкѣ, но и въ Россіи, особа знаменитая, то я, Давидъ Долгоглазовъ, какъ спиритъ и медіумъ, не хочу оставаться въ постыдной неизвѣстности.

На сколько Монбланъ выше московскихъ Воробьевыхъ горъ или Парголовскаго парнаса, (на который взлезать могутъ даже петербургскія барышни), на столько я выше всѣхъ извѣстныхъ и зѣло воспрославленныхъ спиритовъ.

Кто прочтетъ эти записки, великодушно предлагаемыя публикѣ, — тотъ не только убѣдится въ этой, только что высказанной истинѣ, но и придетъ, такъ сказать, въ неописанное изумленіе.

Имѣй уши слышати — да слышитъ.

Вызывать такіа неинтересныя души, какія вызываютъ Юмъ, Алашъ, Кордежъ, Девенпорты, Овены и другіе — ровно ничего не стоитъ.

Я самъ, какъ медіумъ, въ высшей степени одаренный даромъ приходитъ въ сообщеніе съ міромъ невидимымъ, увъ! долго, слишкомъ долго пробавлялся ничего не стоящими душечками.

Самыя умныя изъ нихъ не превышали умомъ своимъ нашихъ доморощенныхъ философовъ (въ родѣ М. П. Погодина), и ничего, — ничего не сказали мнѣ новаго!

Быть за предѣлами гроба, быть внѣ плоти, витать въ безпредѣльныхъ пространствахъ, и не сказать ничего новаго — ужасно!

Всякій разъ, когда они являлись по моему приглашенію и водили по бумагѣ рукой моей, всякій разъ, когда я съ необычайной проника-тельностью рабиралъ ихъ каракульки, я краснѣлъ — и за нихъ и за себя краснѣлъ, — краснѣлъ за знакомство съ такими пустыми духами, отъ которыхъ ничего нѣтъ, кромѣ вздора и фантазій. Да и какія это были фантазій?

Нечего и говорить, что почтенные нѣмцы, Клопштокъ и Гофманъ, — когда они жили на землѣ, по части фантазій всѣхъ теперешнихъ духовъ могли бы заткнуть за поясъ.

Нравственные сентенціи, которыми они старались поучать меня, можно найти въ любомъ катехизисѣ. За три тысячи лѣтъ, въ священ-ныхъ книгахъ Индіи, проповѣдовалось то же самое, та же любовь къ ближнему, то же сми-реніе. Спрашивается, зачѣмъ мнѣ нужны духи, если я чело-вѣкъ не безграмотный и если изъ любого христіанскаго учебника, изъ любой нрав-ственной философіи, я могу почерпнуть тоже самое.

Или эти духи нужны лишь для того един-ственно, чтобы убѣдить меня въ загробномъ существованіи?

Но что за нетерпѣніе! неужели сама смерть не убѣдитъ меня въ этой истинѣ. Если — съ разрушеніемъ тѣла моего — не разрушится мое „Я“, и переживетъ свои земныя страданія — развѣ я этого самъ не восчувствую!

Но, скажутъ мнѣ, въ нашъ скентическій и безчестный вѣкъ, не мѣшаетъ заранѣе убѣдиться въ своемъ безсмертіи; ибо, убѣдившись въ этомъ, мы,

во 1-хъ, перестанемъ цѣнить земныя блага; во 2-хъ, легче станемъ переносить скорби, болѣзни и людскіе несправедливости, такъ-ска-зать, удары судьбы будутъ для насъ не такъ чувствительны;

въ 3-хъ, будемъ любвеобильнѣе, добродѣтель-нѣе, чище и проч.;

въ 4-хъ, не будемъ страшиться смерти. Умереть будетъ для насъ значить тоже, что ски-нуть съ себя одно платье, къ которому мы при-выкли и надѣть другое, повидимому, болѣе легкое.

Но, на моихъ собратіяхъ медіумахъ всѣхъ странъ и народовъ, я не вижу такого благо-творнаго вліянія.

Всѣ они — любятъ земныя блага — и какъ люди нервозные также, если еще не болѣе, нетерпѣ-ливы въ своихъ страданіяхъ, также ищутъ лю-дей, имъ сочувствующихъ и сострадающихъ, лю-дей живыхъ (по большей части одѣтыхъ въ юбки), а вовсе не духовъ, которые окружаютъ ихъ.

Въ презрѣнны къ земнымъ благамъ, въ презрѣнны къ страданіямъ и смерти, не безконечно-ли выше ихъ древніе стоики, которые ничему не вѣрили. Нечего и говорить здѣсь о христі-анскихъ мученикахъ, которые встрѣчали смерть, улыбаясь и молясь за своихъ мучителей.

Наконецъ, — эти апостолы спиритизма, — эти модные медіумы, неужели они любвеобильнѣе, добродѣтельнѣе иныхъ матеріалистовъ или язг-никовъ! Едва ли!

Вы не найдете ихъ ни въ подвальномъ этажѣ у голодающаго нищаго, ни у ложа больнаго бѣдняка, ни у матери, у которой ребѣнокъ умеръ отъ холода, чаду и сырости, ни у бѣднаго сту-дента, отчаявшагося въ своемъ будущемъ при-званіи или уже потерявшаго вѣру въ жизнь и готоваго самоубійствомъ прекратить свое без-плодное существованіе, нѣтъ, всего скорѣе, вы найдете ихъ на паркетѣ, на мягкихъ коврахъ или въ мягкихъ креслахъ, въ кругу богачей, среди саженныхъ зеркалъ и выхоленныхъ краса-виць, съ брилліантовыми кольцами на тонкихъ пальцахъ. Всего скорѣе вы встрѣтите ихъ среди довольныхъ, праздныхъ, пустыхъ и скучающихъ. Дворца не промѣняютъ они ни на какую хи-жину. Любятъ подарки, и лишь за деньги вы-зываютъ души несчастныхъ покойниковъ.

Въ этомъ ли любовь, — сострадающая, дѣя-тельная, самоотверженная?

О! какъ часто эти люди, эти медіумы, гордо увѣренные въ своемъ вѣчномъ существованіи, даже въ предѣлахъ имѣ отмѣреннаго времени, жить не умѣютъ по чело-вѣчески!

Какъ медіумъ — я никакъ не лучше ихъ — отъ знакомства съ духами, я не сдѣлался ни добро-дѣтельнѣе, ни любвеобильнѣе. А ужъ я ли не вызывалъ ихъ цѣлыми десятками!

Мало того, что я не сдѣлался лучше — я по-глупѣлъ.

Да и что же мудренаго?

Спрашивалъ я ихъ объ историческихъ собы-тіяхъ — ввали.

Спрашивалъ я ихъ объ отсутствующихъ — ввали.

Спрашивалъ объ явленіяхъ природы, неразъ-ясненныхъ наукою, — и самъ быть не радъ, — несли такую околесицу, которая явно доказала мнѣ, что они кой-что слыхали и о геологіи, и объ астрономіи, и объ электричествѣ, и о маг-нетизмѣ, — но на первый курсъ университета даже въ физикѣ не выдержали бы экзамена.

И ни одинъ медіумъ не находитъ въ этомъ ничего для себя обиднаго!

О! все это меня, какъ спирита и какъ ме-діума, довело до отчаянія.

ГЛАВА II.

Разъ я имѣлъ неосторожность вызвать нѣ-сколько душъ и, послѣ нѣсколькихъ отвѣтовъ ихъ на мои самые задушевные разспросы, — не вытерпѣлъ, — сталъ ругаться....

За это они стали мстить мнѣ, и разстроили мое воображеніе. Но я не трусилъ.

Начнутъ стучать — стучите, братцы, говорю, стучите! Начнутъ царапаться по угламъ — цара-пайтесь, говорю, мыши вы этакіе! Начнутъ вѣять — отойду подальше отъ форточка, и — ни слова. Но дѣло дошло до того, что какой-то духъ ночью, сталъ съ меня одѣяло на полъ сбрасывать — я не вытерпѣлъ, сталъ этого духа уговаривать:

— Ну, что ты шалишь, что ты балуешь, шаль-ная душа. Вѣдь это право ребячество! Вѣдь это просто ни на что не похоже, — ну, будь я еще какой-нибудь Адонисъ или просто краса-вецъ, во цвѣтѣ лѣтъ, ну еще куда ни шло, а то — ну что хорошаго! Чело-вѣкъ я пожилой, со-лидный; дай мнѣ выспаться, оставь меня въ покоѣ, сдѣлай такое одолженіе!

Не тутъ-то было! Проснусь бывало — одѣяло на полу, одна нога голая, въ бокъ поддуваетъ.... Фу ты, чертъ!

Надоѣло мнѣ это признаться. Зажегъ свѣчу, взялъ въ руки карандашъ — задремалъ надъ бу-магой — спрашиваю: кто ты? отвѣчай.

— Амалхень.

— Та самая, что жила на углу Невскаго и Литейной, въ chambre garni?

— Та самая.

— Ну что же тебѣ надобно? Вѣдь ты без-плотна, а потому и бесплодна всѣ твои заигры-ванья. Зачѣмъ же ты заигрываешь? Ну, не глупа ли ты послѣ этого!?

— Да такъ, отъ нечего дѣлать.

— Коли нечего дѣлать — возись съ духами.

— Надоѣли.

— Ну молись.

— Нѣтъ, ужъ лучше ты молись.

— Нечто тебѣ легче будетъ отъ этого?

— Перестану одѣяло стаскивать.

— Ну, увидимъ. — А давно ли ты умерла?

— Умерла я въ Обуховской больницѣ около 15 лѣтъ тому назадъ, какъ разъ послѣ того какъ одинъ, душка, въ Красномъ кабачкѣ, зи-мой накормилъ меня ужиномъ, напоилъ и до-мой отвезъ.

— И съ тѣхъ поръ ты не угомонилась — все такая же?

— Все такая же.

— Ну такъ ты бы и шалила съ этимъ душ-кой, который опоилъ тебя.

— Фи!.. онъ и старъ и не медіумъ.

— А я то чѣмъ виноватъ?

ЖАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ „ПЧЕЛЫ“.

МОДНИЦА,
съ картины **В. С. Журавлева.**

— Ты медіумъ — и бранишь души — мы хоть и не живемъ, а все-таки чувствуемъ — ты за чѣмъ насъ бранишь?

— А не можешь ли ты мнѣ объяснить — какъ это ты слышишь безъ ушей, видишь безъ глазъ, — думаешь безъ мозга.

— Этого я не могу объяснить тебѣ. Прощай!..

И за этимъ прощай, — какъ это всегда бываетъ, по бумагѣ внизъ проѣхала грубая черта, и у самого края окончилась тонкимъ хвостикомъ.

Ну, спрашиваю васъ, что тутъ назидательнаго? Чѣмъ тутъ восторгаться или приходить въ умиленіе. Бѣдная Амальхень! не завидую я твоему безсмертію. Не даромъ ни одинъ медіумъ за спасеніе души твоей не пожертвуетъ не только жизнью — бриллиантовымъ колечкомъ не пожертвуетъ, — особенно если оно подарено ему графиней К. Б., или владѣтельнымъ принцемъ.

Положительно отъ такихъ духовъ — я начинаю приходить въ отчаяніе.

(Продолженіе будетъ).

ВОЗСТАВШІЙ.

(РАЗСКАЗЪ).

Долго мы, болгары, смиренно жили,
Долго покорялись мы судьбѣ:
Мы исправно подати платили,
Забывая о самихъ себѣ.
Мы народъ простой, неприхотливый:
Домикъ съ садомъ, поле, два вола, —
Вотъ что нужно намъ, чтобы счастливо
И спокойно наша жизнь текла.
Эти блага были нашей црлью;
Ихъ кутивъ црльной трудовъ своихъ,
Предавались скромно мы веселью,
Славя нашу родину за нихъ.
Впрочемъ, нптъ! Лишившись даже хлба,
Мы любили свой несчастный край
За его приветливое небо,
За его приветливый Дунай.
Еслибъ насъ оставили въ покоѣ,
Еслибъ насъ не мучали враги, —
Никогда-бъ мы поле трудовое
Полеми битвы сдплатъ не могли.
Не за тѣмъ вспахали мы съ любовью
Нашу ниву, чтобъ потомъ на ней
Свой-же хлбъ залить людскою кровью
И измятъ копытами коней;
Но терпнью есть предѣлъ извѣстный,
Непосильный крестъ нельзя нести, —
Самъ Христосъ упалъ подъ ношей крестной,
Обливаясь потомъ на пути, —
И у насъ не стало силъ къ терпнью:
Я не знаю, кто впервые намъ
Кликнулъ кличъ зловнщій къ возмущенью,
Но я помню, какъ возсталъ я самъ.

Я съ семьей жилъ въ глухомъ поселкѣ
Отъ движеній шумныхъ въ сторонѣ.
Въ нашу глушь не заходили толки
Про тревоги смутныя въ странѣ.
Коповоды первые волненья
Не успѣли проторить къ намъ путь,
Чтобъ изъ искрѣ ничтожныхъ раздраженья
Пламя мщенья грозное раздуть.
Занимаясь сельскими трудами,
Разсуждая о своихъ дплахъ,
Мы не знали, что гроза надъ нами
Собиралась въ ясныхъ небесахъ.
Я въ тѣ дни былъ светлой думой занятъ:
Я мечталъ, какъ милая со мной

Передъ божьимъ алтаремъ предстанетъ
И войдетъ хозяйкой въ уголокъ мой:
Горячо другъ друга мы любили!
Росъ я съ нею, какъ съ сестрою братъ,
На работу вмстѣ мы ходили,
Вмстѣ возвращались мы назадъ.
Сладокъ былъ нашъ отдыхъ. У обрыва
Надъ рькой, бывало, мы сидимъ
И, прижавъ другъ къ другу, молчаливо
За полетомъ облаковъ слѣдимъ,
Наши думы ясны: намъ сдается
Посреди блаженной полутьмы,
Что одно въ насъ сердце мрно бьется,
Что одною грудью дышимъ мы.
Къ свадьбѣ мы готовились безпечно,
Какъ ребята къ ѣлкѣ: снились намъ —
Блескъ одежды нашей подвнечной,
Шумный поездъ, освещенный храмъ....
Былъ я бодръ и веселъ, уязвая
Для покупокъ въ Шумлу изъ села,
И моя голубка дорогая,
Точно май сіяющій была.
Счастье намъ грядущее сулило,
Счастье скромной жизни безъ тревогъ,
Безъ нужды, губящей рано силы....
Но грядущимъ управляетъ Богъ!
Люди спютъ, но они не знаютъ,
Хорошо-ли ихъ посьвъ взойдетъ,
Много ль всходовъ бури поломаютъ,
Кто подъ осень жатву соберетъ.

А. Михайловъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

ОЧЕРКИ КРЫМА.

1. КУПАНЬЕ ВЪ ТЕОДОСИИ.

Что за чудное купанье:
Воскресаешь въ этомъ морѣ!
Взглядъ слѣдитъ за кораблями,
На лазоревомъ просторѣ...

Пѣсни юга слышитъ ухо,
Полдень пышетъ зноемъ ада —
А въ водѣ-то сколько нѣги —
Что за чудная прохлада!»

Бюрократъ изъ Петербурга
Здѣсь вставляетъ замѣчанье:
— Это, что! У насъ въ Фонтанкѣ
Ужъ купанье — такъ купанье!....

2. ТАИНСТВЕННАЯ НЕЗНАКОМКА.

Къ намъ въ Алушту прикатила
Обольстительная дама,
Грудь крутая, очи — звѣзды, —
Соблазнилъ-бъ даже Брама.
Съ чѣмъ сравнить малютки — ножки,
Съ чѣмъ сравнить малютки — ручки?
Голосокъ, что арфы звуки,
Взглядъ, что солнце изъ-за тучки.

За воздушною сильфидой
Мы ухаживали роємъ,
Джентельмены съ аневризмомъ,
Бюрократы съ геморроемъ.
Офицеры, журналисты,
Адвокаты и студенты,
Двадцать пять князей грузинскихъ
Отпускали комплименты.

Тамъ дня за три до банкротства
Розенблудъ — банкиръ извѣстный,
Преподнесъ аристократкѣ,
Воспылавъ, экспромтъ чудесный.

Два какихъ то генерала
Предлагали бракъ законный,
Я — жъ, писалъ стихи пудами!
И — читалъ ей упоенный.
И, въ концѣ концовъ, — о, Боже!
Голосъ чистый, профиль тонкій,
Образъ Перфи оказался
Просто..... ревельской чухонкой!!
И рассказывалъ съ улыбкой
Намъ колбасникъ фонъ деръ-Штубе,
Что прикащицею служитъ
Эта дѣва — въ шустеръ-клубъ!..

3. ВЪ БУРЮ.

Свещетъ вътеръ, море бьется,
Керчь — давно ушла въ туманъ,
Пароходъ, какъ чайка, вьется,
Рулевой, какъ будто пьянъ.

Поэтическая блднсть
На лицѣ у нашихъ дамъ, —
Да, болъзнь морская хуже
Всѣхъ французскихъ мелодрамъ.

4. СОВРЕМЕННАЯ ЛЮБОВЬ.

Ночь.... Сіяетъ мсляцъ ярко...
Мы съ полудня на коняхъ.
Скалы сумрачныя и выше,
Путь теряется въ горахъ.

— О, скажи! зачѣмъ молчанье,
Ночь блаженна и тепла...
Я люблю и жду, чтобъ сердце
Ты мнѣ также отдала!...

И склоняясь ко мнѣ безсильно
Шепчетъ милая моя:
— Если въ годъ ты получаешь
Тысячь десять — я твоя!....

В. И. Славянской.

За прошлую недѣлю.

(Петербургскія замѣтки).

I.

Первый фельетонъ новаго года, какъ это ведется изъ поконъ вѣку, всегда посвящается воспоминанію впечатлѣній, оставленныхъ въ нашемъ сознаніи годомъ старымъ, прошлымъ, — и поэтому да простятъ насъ читатели, если мы озаглавивъ наши замѣтки о русской жизни, русской литературѣ, вообще словами „За прошлую недѣлю“ — позволимъ себѣ, посвятить настоящій фельетонъ, — прошлому году.. Годъ прошоль, и годъ значительный въ русской жизни; не желая утомлять читателя сухими разсужденіями о его знаменательности, и навязывать собственные взгляды, мы приглашаемъ

читателя послѣдовать за нами въ маленькую гостиную одного изъ петербургскихъ клубовъ, гдѣ, послѣ клубнаго новогодняго ужина собралось нѣсколько простыхъ обывателей петербурга, художниковъ, чиновниковъ, инженеровъ и т. д. и послушать, что толкуетъ объ этомъ годѣ обыкновенная думающая публика... Русскій и въ особенности петербургскій человѣкъ, тянущій служебную ляжку, обыкновенно имѣетъ за душой кое-что свое, неслужебное, неофициальное, и вотъ тутъ-то, въ этой то „неофициальной части“ петербургскаго человѣка и кроется его настоящая суть. Петербургскій человѣкъ, завзятый поклонникъ всевозможнаго рода обстановочекъ (см. Щедрина), выполняющій эти обстановочки положительно въ совершенствѣ, одного никогда не забываетъ думать по своему; посмотрите какъ серьезенъ онъ, разсуждая въ обществѣ промышленности, или въ какомъ нибудь комитетѣ. Слушая его, въ самомъ дѣлѣ подумаешь, что онъ дѣлаетъ дѣло, и что въ самомъ дѣлѣ промышленность развивается, и притомъ развивается-то только отъ него,—а кончилось засѣданіе, надѣлъ онъ шубу, калоши, и пошолъ съ вами закусить къ Палкину или къ Вольфу, и глядишь онъ самъ же, но ужь какъ частный человѣкъ, человѣкъ въ неофициальномъ видѣ,—окончивъ представленіе (обстановочку)—самъ же, говорю, разрушить всю вашу иллюзію на счетъ успѣховъ промышленности и докажетъ вамъ какъ дважды два—что ничего этого нѣтъ,—а завтра опять принимается за представленіе.

Хорошо это или худо—мы разсуждать не беремъ; наше дѣло передать читателю, что именно лежитъ на душѣ, или вѣрнѣе въ неофициальной части души петербургскаго человѣка, на счетъ событій прошлаго года.

А засѣдавшіе въ самой маленькой гостиной петербургскаго клуба лица чувствовали себя въ ту минуту, о которой идетъ рѣчь, именно въ самомъ неофициальномъ расположеніи духа. Всѣ они хотъ и присутствовали при всевозможныхъ рѣчахъ и тостахъ, говорившихся во время клубнаго ужина, всѣ они хотъ и вели себя совершенно прилично торжественному случаю, но всѣ они были очень рады, что и рѣчи и ужинъ кончились и что скандалъ, начавшійся пообыкновенію съ г. экономомъ сказаннаго клуба, по тому поводу, что многимъ нехватило шампанскаго,—почти обязываетъ ихъ удалиться съ поля, имѣющій развиться изъ этого скандала, битвы.

Сидятъ они въ полутемной комнаткѣ „отдыхаютъ“, курятъ и разговариваютъ.

— Ну ужь годикъ проводили! говорить одинъ человѣкъ полный, солидный; двѣ пуговицы на жилетѣ онъ растегнулъ, и произнесъ свою фразу съ глубокимъ вздохомъ, отъ ужина или отъ „годика“, — незнаю. Думаю отъ того и отъ другого вмѣстѣ.

— Ужасъ что за годъ... Крахи... уголовныя дѣла колоссальнѣйшія... поддакнулъ было другой, тоже утомленный ужиномъ человѣкъ, но рѣчь его была прервана на первыхъ же словахъ третьимъ лицомъ, почти лежавшимъ и казалась даже, задремавшимъ на маленькомъ диванчикѣ.

— Напротивъ, оживляясь и вскакивая съ дивана, проговорилъ онъ съ жаромъ,—я незнаю другаго, болѣе поучительнаго года, какъ прошлый съ самого освобожденія крестьянъ.

— Поучительнаго? Чему жъ мы научились?

— О, необыкновенно многому... Ужь одинъ струсберговскій процессъ чего стоитъ!... Вѣдь такой лекціи вообще о финансовыхъ дѣлахъ, всей Европы, врядъ-ли прочитаютъ вамъ на какой-либо кафедрѣ... То есть прочитать-то прочитаютъ,—это несомнѣнно и лучше и глубже, но будетъ-ли эта лекція такъ вразумительна, какъ вразумителенъ струсберговскій процессъ всякому, рѣшительно всякому, отъ... ну отъ чего хотите, до извощика,—это ужь извините.

— Я не спорю, что процессъ вразумителенъ, какъ изволите вы говорить,—только чему онъ вразумитъ-то?.. Промессы стряпать? Научить, что-ли тому, что можно получить и заработать деньги безъ труда, если простой kloekъ бумаги

умѣть окрестить названіемъ „промессъ“.. Этому что-ли?

— Кто говорить,—что хитрая механика желѣзно-дорожнаго короля, научить многихъ, охотниковъ до легкой наживы, наживаться еще лучше и быстрѣе, чѣмъ они дѣлали это до лекціи Струсберга... Только...

— А, еще, воодушевившись и недавъ договорить, возопилъ господинъ, у котораго жилетъ былъ разстегнутъ,—а еще вотъ освященниковскій процессъ,—тотъ поучителенъ? или какъ вы изволите... вразумляетъ?.. Чему, позвольте васъ спросить?.. Тому-ли, что всѣхъ и вся можно купить и продать?

Всѣ молчали...

— Одни господа адвокаты въ этихъ двухъ дѣлахъ—чего стоятъ! Не въ смыслѣ денегъ,—Богъ съ ними, пусть берутъ,—а въ смыслѣ нравственности-то! Вѣдь это все образованные люди, возьмите вы ихъ всѣхъ лѣтъ десять назадъ, такіе-ли это были люди! Спасовичъ былъ идоломъ молодежи, а теперь защищаетъ отца, истязавшаго дочь, сажаетъ въ тюрьму писателя, взявшагося защищать слабыхъ, и пьющаго за здоровье софистовъ 19-го вѣка... Возьмите Утина, и вспомните, что выдѣлывалъ онъ на Струсберговскомъ процессѣ... Тотъ-ли это Утинъ, который когда-то что-то писалъ о германской войнѣ?... Что вы, что тутъ поучительнаго? Неразвитой человѣкъ смотритъ на умныхъ людей и учится какъ обдѣлывать дѣла, какъ можно врать и лгать не краснѣя?...

Почти всѣ присутствовавшіе, хотя и полусловами, даже полузвукими выразили полное согласіе съ толстымъ господиномъ... Поощренный этимъ, толстый господинъ, въ какихъ нибудь десять минутъ припомнилъ такую массу гнилушекъ разнаго рода, всплывшихъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ на поверхности русской жизни, что дѣйствительно, всѣхъ взяла оторопь. Какъ нарочно онъ бралъ самыя яркія черты (ихъ и выбирать-то не было трудно) изъ громаднаго материала дурныхъ явленій, выжималъ сокъ изъ митрофаніевскихъ, овсяниковскихъ, Струсберговскихъ и иныхъ дѣлъ, всѣмъ слушателямъ войстинну страшно было передъ этимъ обиліемъ продажности, ханжества, безстыдства, и прочихъ не семи, а стасемидесяти смертныхъ грѣховъ, обнаружившихъ такое быстрое развитіе и такое прочное существованіе въ русскомъ обществѣ...

Господинъ, начавшій свою рѣчь похвалами прошлому году, — опять прилежъ и замолкъ,—такъ были неотразимы доводы, предъявленные толстымъ господиномъ въ пользу того, что дѣла были плохія, и результаты также будутъ плохи...

— Нѣтъ, говорилъ онъ, оканчивая свой длинный монологъ, не только поучительнаго, не только вразумляющаго на что нибудь доброе, благородное...

— Позвольте, перебило его еще новое лицо молодого артиллериста, а вы забыли Сербію?..

— Сербское дѣло еще только выясняется и выясняется... не скажу, чтобы очень привлекательно!

— Это вы о дракахъ, о пьянствѣ и т. д.

— О разномъ...

— Что касается меня, я говорить объ этомъ не охотникъ... Точно послѣ моихъ разглагольствованій пьяницы перестанутъ пить... Я не о томъ. Я говорю о самомъ фактѣ, доказавшемъ, что вотъ въ этомъ-то народѣ, который на своихъ плечахъ выносилъ и Струсберговъ и Овсяниковыхъ и всѣхъ адвокатовъ вынянчилъ и выкормилъ что этотъ-то народъ—чистъ какъ ребенокъ...

— Вотъ! вновь вскакивая съ дивана, заговорилъ повернутый толстякомъ господинъ... Вотъ! Вы, обратились онъ къ толстяку, вы мнѣ не дали договорить... Я именно и хотѣлъ сказать вамъ, что прошлый годъ принесъ намъ новость, отъ которой можно ожить, или покрайней мѣрѣ очнуться... принесъ намъ желаніе—жить и жить—не поовсяниковски... До прошлаго лѣта мы задыхались во всякихъ мерзостяхъ и конца имъ не видали... Теперь у насъ нача-

лось нѣчто новое, что съ этими мерзостями не имѣетъ ничего общаго... Долго и съ жаромъ говорилъ защитникъ прошлаго года. Толстый господинъ, въ началѣ его рѣчи, порывавшійся поминутно перервать его, наконецъ притихъ, да и всѣ притихли, потому что говорено было искренно и дѣльно...

— Да! все это превосходно! неожиданно перебилъ толстякъ... Все это хорошо, если...

— Господи! третій звонокъ! Штрафъ...

— Это мы узнаемъ въ будущемъ году!.. Сказалъ защитникъ года прошлаго...

А что узнаемъ, скажу я, сообщимъ читателямъ.

* * *

ЖЕНЫ АРТИСТОВЪ.

Альфонса Додэ.

Нѣсколько словъ вмѣсто предисловія.

Предлагая нашимъ читателямъ переводъ новѣйшаго произведенія Альфонса Додэ, мы считаемъ не лишнимъ предпослать этому переводу нѣсколько словъ.

Почти вся читающая русская публика знакома въ подлинникѣ или въ переводѣ съ главными сочиненіями этого симпатичнаго молодого писателя, являющагося однимъ изъ самыхъ блестящихъ представителей реальной школы французскаго романа.

Глубокое и всестороннее изученіе французской жизни, тонкая, изящная, художественная отдѣлка, яркость красокъ и образовъ, замѣчательная глубина психическаго анализа и тонкая, немного грустная иронія—вотъ отличительныя черты таланта Альфонса Додэ, давшаго автору романа „Фромонъ Младшій и Рислеръ Старшій“ сразу право занять мѣсто среди первоклассныхъ беллетристовъ.

Новѣйшее произведеніе Альфонса Додэ отличается тѣми же достоинствами и захватываетъ одну изъ самыхъ интересныхъ и большихъ сторонъ современнаго европейскаго общества.

Въ своихъ талантливыхъ и блестящихъ очеркахъ, творецъ Сидоніи Шебъ, Дезире Делобель, Иды Баранъ и Сэсиль Ривальсъ,—рисуетъ съ глубокой, поразительной вѣрностью реалиста, съ образностью поэта, различные женскіе типы, выхваченные изъ современной французской дѣйствительности.

Новѣйшее произведеніе Додэ, какъ каждое дѣйствительно художественное произведеніе глубокого реально и тенденціозно въ одно и то же время, потому что оно наталкиваетъ читателя на серьезные, жгучіе вопросы и приводитъ его къ тяжелымъ выводамъ.

Не говоря ни слова о ненормальности положенія женщины въ современномъ обществѣ, о недостаточности ея воспитанія и образованія, Додэ, съ искусствомъ опытнаго художника, приводитъ читателя къ безотрадному выводу своими „Женами артистовъ“.

Эти очерки доказываютъ читателю яснѣе трактатовъ съ длинными статистическими таблицами, что европейское общество, лишая женщину высшаго образованія, преграждая ей путь къ развитію, не допуская ея участія какъ полноправнаго члена, лишило себя одного изъ могущественнѣйшихъ факторовъ развитія и создало себѣ неумолимаго врага, врага подпольнаго и потому еще болѣе опаснаго, что мужчина, низводя женщину до роли самки или куклы, самъ въ свою очередь является игрушкой въ рукахъ развращенной куртизанки въ силу

того доказанного историей факта, что рабство возвращает рабовладельца столько же, сколько и раба.

Действительно, все жены артистов, обрисованные мастерским пером Додэ, являются не двигателями, не помощницами, даже не ученицами своих мужей, а просто тормозами их деятельности. Они не вдохновляют, не ободряют, а раздражают или возвращают своих мужей или возлюбленных прежде всего потому что они не в состоянии понять их, потому что они родились и воспитывались в совершенно иной сфере.

Альфонс Додэ не говорит в своих очерках ни слова о необходимости другого, более широкого воспитания женщины, но за то по прочтении их, в уме читателя является полное и страстное сознание всей нецелесообразности такого порядка вещей, всей необходимости для женщины такого образования, которое сдѣлало бы ее не игрушкой и не куклой, а товарищем, подругой, вдохновительницей.

Рисуя нам то, что есть, Альфонс Додэ силой своего таланта, своей страстностью наводит нас на мысль о том, что должно быть и заставляет нас стремиться всеми силами к этому лучшему будущему. Показывая всю вредную, тормозящую силу женщины в современной французской семье, он в тоже время невольно убеждает читателя в громадности этой силы, если она будет направлена к добру рациональным воспитанием и открывает этой женской силе широкую и славную путь, путь начертанный женщиной самыми физиологическими условиями ее организма—быть товарищем, подругой, вдохновительницей мужчины—быть его совестью, по мѣткому выражению Прудона в одной из глав его сочинения „De la justice“, гдѣ, среди множества парадоксов, он высказывает много вѣрных и глубоких мыслей.

Женщина может убить в мужчине талант и создать его—вот к какому выводу приводят нас мастерские, увлекательные очерки Альфонса Додэ, перевод которых мы предлагаем читателям.

Отъ переводчика.

Прологъ.

Развалившись на большомъ диванѣ мастерской, съ сигарой во рту, разговаривали между собою послѣ обѣда два друга—поэтъ и художникъ.

Быль часъ, наиболѣе располагавшій къ сердечнымъ бесѣдамъ. Лампа, покрытая абажуромъ, освѣщала только столъ, а на всемъ остальномъ лежалъ приятный полумракъ, въ которомъ едва была замѣтна прихотливая роскошь обширныхъ стѣнъ, оклеенныхъ драгоценными обоями и увѣшанныхъ картинами и оружіемъ. Вверху одна стѣна кончалась окнами, сквозь которыя свободно проникала въ комнату темная синева сумеречнаго неба. Одинъ только портретъ женщины, слегка наклоненный впередъ на мольбертѣ какъ бы желая прислушаться, выступалъ на половину изъ тѣни. Это былъ портретъ молодой женщины съ интеллигентными глазами, съ добрымъ, но строгимъ, выразительнымъ ротикомъ, съ умной улыбкой, которая, казалось, защищала мольбертъ своего мужа отъ нападокъ глупцовъ и невѣждъ. Низкій стулъ вдали отъ камина и два маленькихъ голубыхъ башмачка, которые валялись на коврѣ, указывали на присутствіе въ домѣ ребенка; и въ самомъ дѣлѣ, въ сосѣдней комнатѣ, куда только что скрылась мать съ ребенкомъ, раздавались взрывы звонкаго смѣха и щебетанья, какъ въ гнѣздѣ засыпающихъ птенцовъ. Все это указывало въ этомъ артистическомъ помѣщеніи на присутствіе полного семейнаго счастья, которымъ наслаждается хозяинъ.

— Действительно, мой другъ, говорилъ своему приятелю поэтъ,—ты былъ правъ. Нельзя быть счастливымъ на нѣсколько ладовъ. Счастье тутъ, и нигдѣ больше его нѣтъ.... Ты долженъ меня непремѣнно женить.

художникъ.

— Ну, ужъ нѣтъ... Женись самъ, если хочешь. Я не стану вмѣшиваться.

поэтъ.

— Почему?

художникъ.

— Потому что... потому что артисты не должны жениться.

поэтъ.

— Это ужъ слишкомъ.... Ты смѣешь это говорить, и стѣны не обрушиваются на твою голову!... Но вспомни, несчастный, что ты только что далъ мнѣ возможность видѣть и завидовать въ продолженіи двухъ часовъ тому именно счастью, которое ты хочешь мнѣ запретить. Желалъ-ли бы ты быть, на примѣръ, однимъ изъ тѣхъ позорныхъ богачей, которые удваиваютъ свое благоденствіе страданіями другихъ, и наслаждаются у теплаго огня, спокойно размышляя о дождѣ и о томъ, что блуждаетъ цѣлая масса бездомныхъ бездомныхъ?..

художникъ.

— Думай обо мнѣ, какъ хочешь. Я слишкомъ люблю тебя, чтобы помочь тебѣ сдѣлать глупость, и притомъ неисправимую глупость.

поэтъ.

— Почему же глупость?... Значитъ, ты недоволенъ?... А мнѣ кажется, что здѣсь также много счастья, какъ много деревенскаго, свѣжаго воздуха въ лѣтнемъ домѣ съ большими окнами.

художникъ.

Ты правъ; я вполне счастливъ. Я горячо люблю свою жену. А когда я думаю о своемъ ребенкѣ, то улыбаюсь отъ удовольствія. Женитьба была для меня тихою, вѣрною пристанью, не тою, въ которой причаливаютъ къ берегу, цѣпляясь за спасительное кольцо, а тою голубою бухточкой, куда заходятъ чинить паруса и мачты для новыхъ странствованій по неизвѣстнымъ морямъ. Холостякомъ я никогда такъ хорошо не работалъ, какъ теперь, и мои лучшія картины написаны послѣ женитьбы.

поэтъ.

— И что же!

художникъ.

— Мой другъ, я могу показать тебѣ фатомъ, но все-таки скажу, что рассматриваю свое счастье, какъ какое-то чудо, какъ необыкновенное и исключительное явленіе. И чѣмъ болѣе я всматриваюсь въ женитьбу, тѣмъ болѣе я удивляюсь, какое счастье выпало на мою долю. Я похожъ на тѣхъ, которые переживаютъ опасности, не имѣя о нихъ понятія, но разъ переживъ ихъ счастливо, блѣднѣютъ и пугаются, ошеломленные своей собственной отвагой.

поэтъ.

— Но какія-же это страшныя опасности?...

художникъ.

— Первая и самая главная—это возможность потерять или уменьшить свой талантъ. А это, я думаю, важно для артиста.... Замѣть, что я теперь не говорю объ обыкновенныхъ условіяхъ жизни. Я согласенъ, что женитьба вообще—прекрасная вещь, и что большинство людей начинаютъ жить только тогда, когда ихъ дополняетъ семейство. Но часто—это только требованіе профессіи. Холостой нотаріусъ, на примѣръ, немислимъ; онъ-бы не имѣлъ положительнаго вида.... Но мы, художники, поэты, скульпторы, музыканты,—мы живемъ внѣ общественной жизни, мы заняты только ея изученіемъ, ея воспроизведеніемъ, и держимся при этомъ всегда вдали отъ нея,—такъ обыкновенно надо нѣсколько отступить отъ картины, чтобы лучше разсмотрѣть ее,—для всѣхъ насъ женитьба можетъ быть только исключеніемъ. Для этого нервнаго, требовательнаго, впечатлительнаго существа, для этого ребенка-человѣка, называемаго артистомъ, необходимъ особенный типъ женщины, типъ почти не существующій; но самое лучшее—вовсе не искать этого типа.... Ахъ, какъ понялъ отлично это тотъ великій Делакруа, которымъ ты такъ часто восхищаешься! Какую прекрасную жизнь онъ велъ, замкнувъ ее въ монастырскія стѣны и

отдавъ ее одному только искусству! Недавно я осмотрѣлъ его маленькій домикъ въ Шанроэ и тотъ крошечный садикъ приходскаго священника, въ которомъ онъ гулялъ одинъ въ теченіи двадцати лѣтъ. Сколько спокойствія и удобства въ безбрачной жизни.... Представь же себѣ теперь Делакруа женатымъ, отцомъ семейства, со всеми заботами о воспитаніи дѣтей, о деньгахъ, о болѣзни; полагаешь-ли ты, чтобы онъ могъ создать при этихъ условіяхъ тѣ произведенія, которыя онъ создалъ холостякомъ?

поэтъ.

— Ты мнѣ указываешь на Делакруа, а я укажу тебѣ на Виктора Гюго.... Развѣ женитьба помѣшала ему написать столько прекрасныхъ книгъ?...

художникъ.

— Я думаю, что женитьба Гюго действительно его нисколько не стѣсняла. Но не все же мужья обладаютъ тою гениальностью, которая заставляетъ прощать имъ, и тѣмъ солнцемъ славы, которое было-бы въ состояніи осушить причиняемые ими слезы. Какъ должно быть приятно имѣть гениальнаго мужа! Навѣрно многія жены работниковъ гораздо счастливѣе нашихъ женъ.

поэтъ.

— Странная вещь! Жалобу на женитьбу мнѣ приносятъ человѣкъ женатый и повидимому счастливый.

художникъ.

Я повторяю тебѣ, что я говорю не о себѣ. Мое мнѣніе сформировалось по тѣмъ несчастьямъ, которыя мнѣ случалось видѣть у другихъ, и тѣмъ частымъ несогласіямъ, которыя царятъ въ семействахъ артистовъ и которыя, въ сущности, порождены нашей ненормальной жизнью. Вспомни про того скульптора, который въ полномъ развитіи жизни и таланта вдругъ скрылся, бросилъ свою жену и дѣтей. Общественное мнѣніе его осудило, и я конечно не оправдываю его. А между тѣмъ я понимаю, какимъ образомъ онъ до этого дошелъ! Этотъ человѣкъ любилъ свое искусство и презиралъ общество. Жена же его, — женщина умная и добрая, — вмѣсто того, чтобы избавить его отъ непривлекательной среды, подчиняла его въ продолженіи десяти лѣтъ свѣтскимъ обычаямъ. Вслѣдствіе этого ему приходилось дѣлать цѣлую массу всевозможныхъ бюстовъ, отвратительныхъ, въ черныхъ бархатныхъ скруфьяхъ, цѣлую массу головъ, женщинъ, укутанныхъ тряпками и лишенныхъ граціи, которыя по десяти разъ въ день мучили его своими визитами; потомъ, къ вечеру, ему приготсвляли фракъ, свѣтлыя перчатки и таскали его изъ салона въ салонъ.... Ты можешь мнѣ возразить, что онъ могъ бы избавиться отъ всего этого и отвѣтить безъ всякой злобы: „нѣтъ!“ Но развѣ ты не знаешь, что наша сидячая жизнь какъ то особенно привязываетъ къ домашнему очагу? Домашняя атмосфера такъ охватываетъ насъ, что еслибы къ ней не примѣшивалась хотя частица идеала то отъ нея сейчасъ-бы почувствовалъ одуреніе и усталость. Артистъ вообще отдаетъ своему произведенію всю свою силу и энергію, а послѣ этой упорной, одинокой борьбы вдругъ сталкивается лицомъ къ лицу съ мелочностью жизни. И тутъ, именно, является женская тираниа въ полной своей силѣ. Никого нельзя такъ легко побѣдить и опутать, какъ артиста; но жены должны быть осторожны: не надо, чтобы мужъ чувствовалъ, что его опутываютъ, а если въ одинъ прекрасный день невидимыя цѣпи сожмутъ его крѣпко и будутъ мѣшать его артистическимъ работамъ, тогда онъ разомъ ихъ перерветъ и, недовѣря своимъ собственнымъ силамъ, скроется, подобно нашему скульптору, по ту сторону горъ?... Его жена удивилась этому отъѣзду. Несчастая и до сихъ поръ не перестаетъ себя спрашивать: „что я ему сдѣлала?“ —Ничего. Она его не поняла. Для того, чтобы быть настоящимъ товарищемъ артиста, недостаточно быть умной и доброй женой. Нужно обладать безконечнымъ тактомъ и улыбающимся самоотреченіемъ. Этого-то именно и трудно найти въ женщинѣ молодой, неопытной и ин-

ТИПЫ СЪ НАТУРЫ.

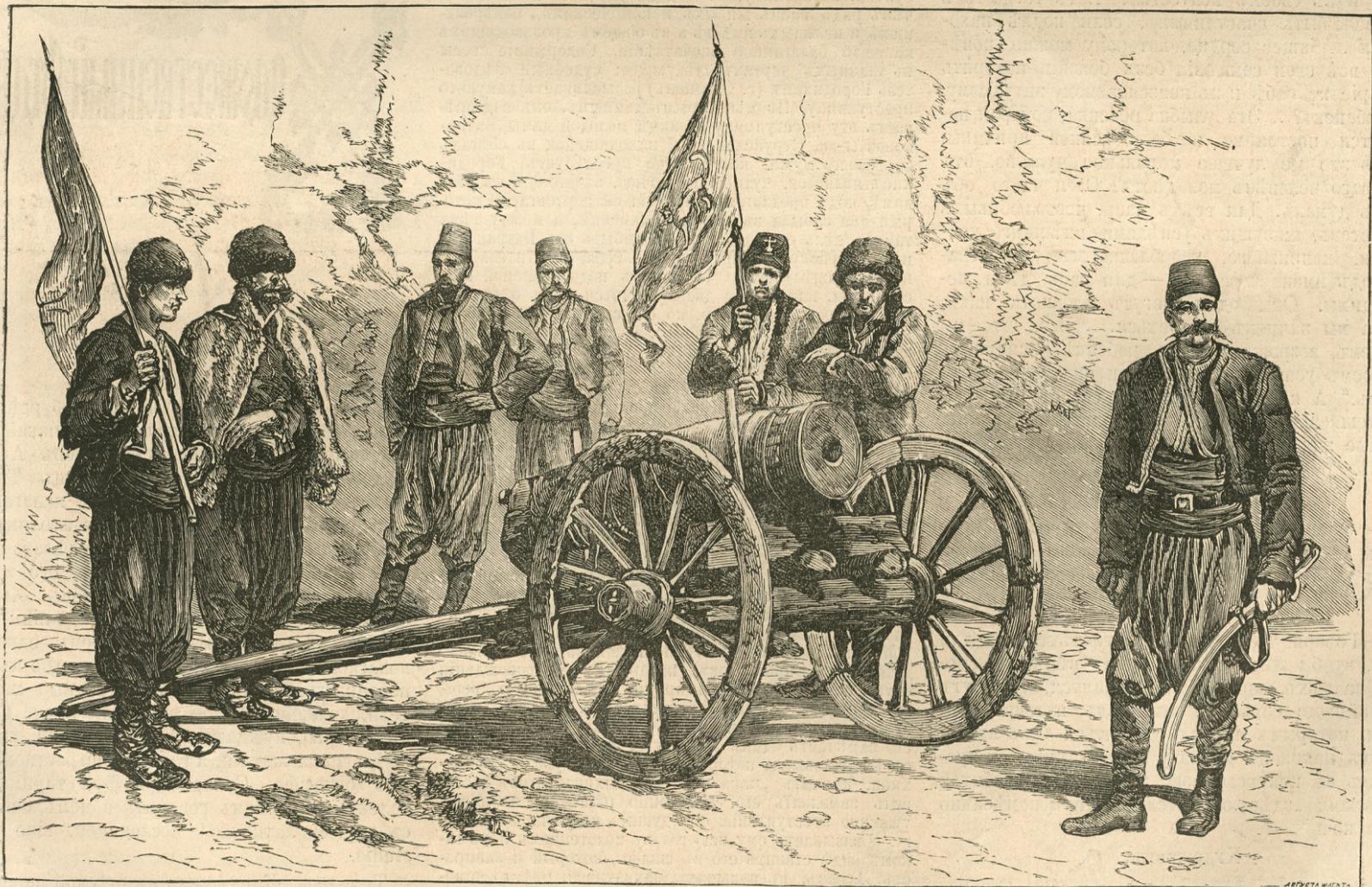
ПЕРВАЯ ЛЮБОВНАЯ ЗАПИСКА.

СЦЕНЫ И ТИПЫ ИЗЪ АЛЬБОМА РУССКАГО ДОБРОВОЛЬЦА.

Сербскіе конники у водооя,
ориг. рис. В. Д. Полънова.

ВЪ СТРАНѢ СЛАВЯНСКОЙ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНІЕ.

Деревянная пушка, взятая турками у болгарскихъ усташей.

тересующейся жизнью. Красивая женщина, вышедшая замуж за человека, всем известного, понятно захочет показываться с ним в свет. Что же тут удивительного? Муж, напротив, приобретя известность, становится нелюдимым. Он находит, что часы для работы слишком коротки, что занятый много, к тому же занятый трудных, а потому он отказывается от выезда в свет. И вот оба считают себя несчастливими; и не всели равно, если человек уступает или противится: его жизнь выбита из колеи довольства и спокойствия... Да, я знала не мало таких неудавшихся семей, где женщина играла или роль палача, или жертвы; чаще палача, чем жертвы, и почти никогда не сознавала этого! Да вот, для примера, недавно вечером я зашел к пианисту Даржанти. У него собрались несколько человек гостей; его попросили сыграть. Едва он успел начать одну из прелестных мазурок Шопена, как его жена заговорила—сначала тихо, потом громче и громче, наконец разговор сдвинулся очень оживленным и спустя несколько минут, только я один остался его слушателем. Окончив игру, он закрыл фортепьяно и сказал мне с извительной улыбкой: „здесь, у нас, всегда так дѣлается“ моя жена не любит музыки“. Можешь ли ты себе представить что нибудь неприятнее этого? Жениться на женщине, которая не любит твоего искусства... Да, друг мой, повѣрь мне и не женись. Ты теперь один и свободен. Береги же, как драгоценность, и свое одиночество и свою свободу.

поэтъ.

Чортъ возьми! тебе хорошо говорить об одиночестве. Если ты захочешь, послѣ моего ухода, продолжать свои работы, то сядешь вон там, подлѣ угасающаго огня и будешь потихоньку работать, не чувствуя вокруг себя той атмосферы, которая так богата своим одиночествомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ пуста, что каждое посѣтившее тебя вдохновение тотчасъ разсѣвается и исчезаетъ. Но допустимъ это одиночество вѣ часы работы; но есть минуты скуки, отчаянія, когда сомнѣваешься въ самомъ себѣ и въ своемъ искусствѣ. Вотъ тогда-то и можешь быть счастливымъ, если подлѣ найдется любящее сердце, которому можно повѣрить все свои сомнѣнія безъ боязни потерять довѣріе къ себѣ и къ неизсякаемому энтузиазму. А ребенок?... Эта улыбка ребенка, которая является постоянно и безъ всякой причины; развѣ это не лучшее моральное чувство, отъ котораго человекъ молодѣетъ? О! я часто объ этомъ думалъ. Для всѣхъ насъ, честолюбивыхъ артистовъ, живущихъ успѣхами внѣшняго уваженія, капризнаго, колеблющагося, известнаго подъ именемъ славы, — для насъ дѣти необходимы. Они одни могутъ утѣшать насъ, когда мы начнемъ стариться... Все, что мы теряемъ, возрождается въ ребенкѣ. Вспоминая о своемъ успѣхѣ, думаешь: „и онъ его будетъ имѣть.“ А когда теряешь волосы, съ радостью любуешься какъ они вьются золотыми кудрями, полные жизни, на маленькой, свѣтлорусой головкѣ.

Художникъ.

— О, поэтъ, поэтъ!.. Думалъ ли ты также о томъ, сколько нужно трудиться кистью или перомъ для того, чтобы вскормить своего дѣтеныша.

Поэтъ.

— Говори, что хочешь, а артистъ созданъ для того, чтобы жить семьей, и это вѣрно; посмотри на тѣхъ, которые не женятся, а живутъ случайными семьями: они, какъ путешественники, которымъ надоѣло слоняться безъ крова, берутъ наконецъ комнату въ гостиницѣ и проводятъ въ ней всю свою жизнь подъ избитой вѣвской: „здѣсь отдаются квартиры помѣсячно и на ночь“.

Художникъ.

— Эти люди, дѣйствительно, неправы. Они несутъ на себѣ всѣ невзгоды женатой жизни, и никогда не знаютъ радостей.

Поэтъ.

Ты, значитъ, признаешься, что есть радость?... Здѣсь, художникъ, вмѣсто отвѣта, всталъ, и началъ искать между своими рисунками и эскисами измятую рукопись и, вернувшись къ приятелю, сказалъ:

— Мы можемъ долго спорить и, конечно, не убѣдимъ другъ друга... Но если ты, не смотря на всѣ мои доводы, хочешь испробовать женитьбу, то вотъ маленькая вещица, которую я совѣтую тебѣ прочесть. Она написана, — замѣть хорошенько, — женатымъ человекомъ, любящимъ свою жену, вполне счастливымъ въ своей семьѣ. Это одинъ изъ тѣхъ любопытныхъ, который, живя среди артистовъ, описалъ нѣсколько семей, о которыхъ я только-что тебѣ говорилъ. Начиная отъ первой и до послѣдней страницы этой книги все правдиво, настолько правдиво, что самъ авторъ никогда не хотѣлъ ее печатать. Прочти это и потомъ приди поговорить со мною. Я думаю, что ты изменишь свои взгляды...

Поэтъ взялъ тетрадку, и унесъ ее къ себѣ; но онъ не уберечь ее, какъ слѣдовало, такъ что я могъ, — стыдно сказать — вырвать изъ нея нѣсколько листовъ, которые и предлагаю теперь читателямъ.

(Продолженіе будетъ).

„Отъ преступленія къ преступленію“, комедія-шутка, въ трехъ дѣйствіяхъ, Г. Д. (Сюжетъ заимствованъ). „На рѣкѣ“, сцены изъ народнаго быта, соч. И. Горбунова.

Комедія-шутка Г. Д. „Отъ преступленія къ преступленію“, данная въ первый разъ въ бенефисъ г. Горбунова, въ пятницу, 17-го декабря, есть ничто иное, чемъ рядъ сценъ живыхъ и комическихъ, невѣроятныхъ и нѣбныхъ вмѣстѣ и въ общемъ производящихъ какое то балаганное впечатлѣніе. Содержаніе пьесы въ главныхъ чертахъ слѣдующее: судебный слѣдователь Городихинъ (г. Сазоновъ) розыскиваетъ какую-то преступницу. По нѣкоторымъ даннымъ, онъ подозрѣваетъ эту преступницу въ лицѣ молодой дамы Батраковой (г-жа Струйская 1-я), находящейся въ обѣгахъ отъ своего мужа, который ее преслѣдуетъ. Городихинъ является, чуть-ли не ночью, въ номеръ къ этой дамѣ, подъ предлогомъ врученія ей портсигара, который она забыла въ саду, на скамейкѣ, а между тѣмъ тайная цѣль его посѣщенія — добыть отъ Батраковой нить къ раскрытію преступленія. Едва блюститель правосудія успѣлъ войти въ номеръ подозрѣваемой преступницы, какъ въ ея дверь стучится мужъ бѣглянки. Слѣдователь, у котораго, по его словамъ, „все уложеніе о наказаніяхъ въ головѣ“, убоясь ответственности за нарушение супружескихъ правъ, ищетъ способа выйти изъ своего неловкаго положенія, умоляя Батракову о помощи. Между тѣмъ стукъ въ дверь усиливается, а съ тѣмъ вмѣстѣ преступленіе слѣдователя усложняется: является, значитъ, сопротивление супружеской власти — слѣдователь сейчасъ и наказаніе за это преступленіе опредѣляетъ. Батракова предлагаетъ блюстителю правосудія сломать сосѣднюю дверь, гдѣ онъ могъ бы безопасно укрыться, что слѣдователь и исполняетъ немедленно. Значитъ—новое преступленіе взломъ. Тамъ за дверью понавишійся въ просакъ жрецъ Оемиды бьетъ какую-то посуду и похищаетъ оттуда женскую шляпку, такъ какъ его шляпу Батракова измяла и бросила за окно. Значитъ—кража со взломомъ. Наконецъ, когда слѣдователь, не найдя убѣжища въ сломанной имъ двери, прячется въ альковъ Батраковой — въ этотъ моментъ послѣдняя выпускаетъ своего мужа (г-нъ Виноградовъ), который, въ сопровожденіи слугъ, почему-то бѣжитъ прямо въ сломанную дверь, съ крикомъ: „пожаръ, полицію!“ Слѣдователь пользуется этимъ случаемъ, чтобъ убѣжать изъ номера, но его замѣчаетъ одинъ изъ слугъ, вбѣжавшихъ вмѣстѣ съ Батраковымъ, который, т. е. слуга, увидя Городихина, кричитъ „караулъ!“ Городихинъ, чтобъ заставить замолчать его, мгновенно рѣшается на новое, ужасное преступленіе: онъ душитъ закричавшаго слугу: обвязываетъ ему всю голову полотенцемъ и въ такомъ видѣ ставитъ его въ шкафъ, который и запираетъ. Затѣмъ, въ попыткахъ, захвативши вмѣсто чемодана Батраковой, который она просила его взять съ собою, чемоданъ ея мужа, которымъ Батраковъ дорожилъ, потому что въ немъ онъ носилъ любимую свою

водку, на бутылкѣ которой, въ виду того, чтобъ водку не выпили, онъ написалъ: „растворъ мышьяку“, — бѣжить вмѣстѣ съ Батраковой. Такимъ образомъ, опытный блюститель порядка нисходитъ отъ преступленія къ преступленію. Путаница оканчивается тѣмъ, что всѣ дѣйствующія лица встрѣчаются на почтовой станціи, причемъ Батракова говоритъ мужу: „наконецъ то я тебя нашла!“ на что тотъ отвѣчаетъ, что не она нашла его, а онъ нашелъ ее. Начиналось было генеральное сраженіе между мужемъ и женой, но одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ сказалъ, что чего же имъ больше желать, когда они нашли другъ друга? „Въ самомъ дѣлѣ, чего же я желаю?“ спрашиваетъ мужъ. При этомъ начинаются распросы со стороны Батракова и прибывшихъ съ нимъ родственниковъ о посѣщеніи ихъ въ эту ночь разбойниками, при чемъ Батраковъ заявляетъ, что онъ по этому поводу поднялъ на ноги всѣ городскія власти. Вдругъ—еще бѣда на голову злосчастнаго слѣдователя: оказалось, что онъ угостилъ растворомъ мышьяка, взятаго имъ изъ чемодана Батракова, — станціоннаго смотрителя. Однако къ счастью слѣдователя оказалось, что и слуга, котораго онъ задушилъ, и станціонный смотритель, котораго онъ отравилъ, — оба здоровы и невредимы.

Такого рода нѣбность способенъ сочинить только французъ. Съ французскаго безъ сомнѣнія и передѣлана эта шутка-комедія, хотя на афишѣ значится только, что сюжетъ заимствованъ.

Исполняется пьеса очень живо. Г. Сазоновъ хорошъ въ роли Городихина. Г. Виноградовъ комиченъ въ роли Батракова. Г-жа Струйская удовлетворительна въ роли жены Батракова. Г. Горбуновъ воспроизвелъ типическое лице въ роли станціоннаго смотрителя Буташкина, подверженнаго слабости къ дарамъ Бахуса. Вообще ансамбль полный.

Пьеса сопровождалась взрывами хохота публики и артисты вызывались послѣ каждого акта.

Велѣдъ за комедій-шуткой шли новыя сцены изъ народнаго быта, г. Горбунова: „На рѣкѣ“. Какая это прелестная, прочувствованная вещица! Какъ типичны эти дѣйствующія лица, начиная съ дѣдушки Степана сторожа опустѣвшей барской усадьбы (г. Виноградовъ), занимающагося рыбной ловлей и починкой сапоговъ и кончая мальчуганомъ Жаренымъ, изъ мастеровыхъ, въ изящной формѣ повѣствующимъ деревенскимъ мальчуганомъ, слушающимъ его розинувъ ротъ, о своихъ похожденияхъ по петербургскимъ чердакамъ изъ которыхъ изъ одного его спустились такъ, что доктора Обуховской больницы нашли у него нутро „здоровымъ, а ребра переломанными“ и проч.

Т. А. Неффъ.

(Некрологъ).

24-го декабря, здѣсь въ Петербургѣ, скончался, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, одинъ изъ старѣйшихъ членовъ Академіи Художествъ, известный живописецъ Тимофей Андреевичъ Неффъ. Эта кончина налагаетъ на насъ обязанность представить читателямъ краткій очеркъ жизни покойнаго, и сдѣлать оцѣнку его таланта, безъ преувеличенія его заслугъ, но и безъ утайки его недостатковъ. Хотя по слову: „De mortui aut bene, aut nihil“ существуетъ съ незапамятныхъ временъ, однако мы полагаемъ, что она примѣнима только къ обыкновеннымъ смертнымъ, общественные же дѣятели, долженствующие такъ или иначе попасть въ исторію, нуждаются, послѣ своей кончины не въ снисхожденіи, а въ безпристрастномъ судѣ ихъ біографа. Считаю и Неффа такимъ дѣятелемъ, мы будемъ говорить о немъ, сообразно съ другой латинской пословицей, sine ira et studio.

Тимолеонъ-Карлъ, или въ русской передѣлкѣ, Тимофей Андреевичъ фонъ-Неффъ родился въ Коркулѣ, въ Эстляндской губерніи 2-го октя-

бря 1805 г. По своему воспитанию он не принадлежал к нашей художественной школе, так как учился живописи в Дрезденской Академии, где ближайшим наставником его был профессор фон-Ауз; послѣ того он занимался в Римѣ и другихъ городахъ Италіи изученіемъ Рафаэля и другихъ великихъ мастеровъ. Окончивъ такимъ образомъ свое артистическое образованіе, въ 1826 году, онъ прибылъ въ Петербургъ, и здѣсь, благодаря своимъ связямъ съ земляками, а еще больше своему дарованію, скорѣй попалъ въ большую извѣстность. Въ то время, въ русской живописи еще продолжалось стремленіе къ псевдоклассической, строгости композиціи и правильности рисунка, порою въ ущербъ колорита, изящества техники и задушевности. Этой послѣдней не было и у Неффа; но его пріятныя краски, деликатность кисти и нѣкотораго рода грація должны были поражать многихъ, въ особенности тѣхъ, кто болѣе всего склоненъ прельщаться внѣшними эффектами. Какъ бы то ни было, судьба повела пріѣзжему артисту, такъ что на 27 году жизни, онъ былъ уже заваленъ заказами, преимущественно портретныхъ работъ, и носилъ званіе придворнаго живописца. Въ 1834 году, Неффъ, получилъ за образа, написанные для церкви въ Александріи пожизненную пенсію отъ Императорскаго двора, и вообще былъ на столько обезпеченъ въ матеріальныхъ средствахъ, что нашелъ возможность съѣздить вторично на свой счетъ въ Италію и пробыть тамъ два года. Изученіе образцовыхъ произведеній искусства въ тамошнихъ музеяхъ принесло художнику значительную пользу: въ колоритѣ онъ сталъ болѣе естественнымъ, въ рисунокѣ болѣе правильнымъ, въ кисти—болѣе увѣреннымъ и сочнымъ, хотя основной характеръ его живописи не перемѣнился.

Со времени этой второй поѣздки въ Италію, Неффъ почти оставаясь постоянно въ Петербургѣ, исполнялъ преимущественно портреты съ Особъ императорской фамиліи и образа для придворныхъ церквей. Лѣтомъ онъ уѣзжалъ на родину и привозилъ оттуда немногосложныя картинки изъ роднаго быта, а однажды, въ 1837 г., путешествовалъ и внутрь Россіи, для изученія чисто русскихъ типовъ и обычаевъ; однако эти типы и обычаи какъ видно изъ слѣдовавшихъ за тѣмъ произведеній Неффа, остались недоступными для его творчества.

Исполнивъ въ 1839 г. живописныя работы въ малой церкви Зимняго дворца и будучи награжденъ за нихъ академикомъ, Тимоѣей Андреевичъ въ 1842 г. отравился въ третій разъ въ Италію, но пробылъ тамъ недолго, потому что порученныя ему работы для Исакиевскаго собора призывали его обратно въ Петербургъ. Усердно занявшись ими, онъ при своей обычной опытной техникѣ, окончилъ эти многочисленныя и по большей части колоссальныя образа очень быстро. Они доставили ему въ 1849 г. титулъ профессора исторической живописи. Въ 1855 г. Неффъ занялъ должность профессора—преподавателя въ художественныхъ классахъ Академіи и занималъ эту должность до конца жизни, состоя вмѣстѣ съ тѣмъ, съ 1864 г., хранителемъ картинной галереи Императорскаго Эрмитажа.

Трудясь на избранномъ имъ поприщѣ съ рѣдкимъ усердіемъ, котораго не охладилъ ни преклонный возрастъ живописца, ни измѣнившіяся требованія художественной критики, Тимоѣей Андреевичъ оставилъ по себѣ большое число произведеній, состоящихъ преимущественно изъ портретовъ, религиозныхъ картинъ и фигуръ обласнительныхъ красавицъ. Онъ написалъ также нѣсколько картинъ изъ народныхъ итальянскихъ и эстляндскихъ нравовъ. Главное достоинство этихъ произведеній заключается во вкусѣ, отразившемся особенно въ колоритѣ. Рисунокъ Неффа изященъ—манеренъ, кисть сладка; отдѣлка аксессуаровъ стоитъ у него на первомъ планѣ, причемъ нарядныя драпировки кажутся сдѣланными изъ какихъ-то небывалыхъ матерій, складки которыхъ очень вкусны, но необъяснимы въ скрытыхъ отъ зрителя частяхъ своихъ. Типы дѣйствующихъ лицъ красивы или миловидны,

но не отличаются глубокимъ выраженіемъ и высокимъ благородствомъ характера; композиція въ большинствѣ случаевъ также только эффектна, но не серьезна. При такихъ свойствахъ, живопись Неффа представляется хорошимъ комнатнымъ украшеніемъ: женскіе портреты его, въ которыхъ онъ умѣлъ и схватывать сходство съ оригиналами и елико-возможно прикрашивать ихъ, окружая въ добавокъ изящными околочностями, могутъ считаться превосходнымъ убранствомъ для аристократическаго кабинета. Любителямъ внѣшнихъ эффектовъ могутъ также нравиться Неффовскіе жанры и изображенія неодѣтыхъ или полуодѣтыхъ нимфъ, въ родѣ тѣхъ двухъ картинъ, что удостоились попасть въ Эрмитажную галерею. Въ такихъ изображеніяхъ не составляетъ еще бѣды то обстоятельство, что характеръ женскихъ фигуръ и лицъ вульгаренъ, жеманенъ и напоминаетъ типы Германіи; но эти типы нейдутъ къ лицамъ библейской и церковной исторіи, изображаемымъ на нашихъ иконахъ. Поэтому образъ работы Неффа, хотя за нихъ онъ и получилъ профессорское званіе, кажутся намъ дѣломъ, менѣе всего соотвѣтствовавшимъ его таланту: въ нихъ невольно отталкиваютъ отсутствіе глубины выраженія, необходимаго въ подобныхъ произведеніяхъ, желаніе поразить такимъ эффектомъ, который противорѣчитъ величественной простотѣ православнаго богослуженія, или бросающаяся въ глаза нѣмецкая поддѣлка подъ лики и мотивы, освященные преданіемъ нашей церковной живописи. Съ нами согласится всякій, кто внимательно взглянетъ, на примѣръ, въ Неффовскія образа Исакиевскаго собора. Всѣ они имѣютъ достоинства и обнаруживаютъ руку опытнаго художника; но въ ряду колоссальныхъ образовъ нижняго яруса иконостаса можно безусловно похвалить только фигуру главнаго святаго—Исаакія, какъ самую удачную изъ религиозныхъ картинъ Неффа, въ которой онъ вполне удовлетворилъ требованіямъ нашей церкви. Изъ образовъ, помѣщенныхъ на столбахъ храма, лучшими должны считаться „Воздвиженіе Креста“ и „Покровъ пресвятыя Богородицы“, хотя и въ нихъ эффектность красокъ и отдѣлка аксессуаровъ стоятъ на первомъ планѣ. Таковы же извѣстныя всѣмъ картины „Ангель молитвы“ и „Ангель смерти“; ихъ надо впрочемъ разсматривать не какъ иконы, а какъ простыя картины. Наконецъ, заслуживаетъ быть упомянутымъ большой образъ „Вознесенія“, исполненный Неффомъ для церкви въ имѣніи А. В. Головина. Вообще же мы думаемъ, что Тимоѣей Андреевичъ выступалъ на ложный путь, когда брался за религиозныя сюжеты; свойственное ему поприще было иное, хотя и не менѣе блестящее; онъ былъ рожденъ не трогать благочестивые сердца, а доставлять наслажденіе людямъ, приверженнымъ къ внѣшнему блеску, изяществу и чувственнымъ удовольствіямъ. Такие люди еще долго будутъ приносить имя покойнаго съ любовью и признательностью.

А. С.

ПРИЛОЖЕНІЕ къ № 1-му.

На новый годъ.

«Россія у порога Балканъ».

„Пріятное съ полезнымъ“, съ картины В. Е. Маковского.

Близится къ концу петербургская весна, пересталъ постоянно моросить докучливый дождикъ, прошла Нева,

и слава Богу! нѣсколько ярче засвѣтило непривѣтное петербургское солнце. Понемногу становится пыльно и жарко. Новая забота—пріекивай дачу. „Обычай десноть межъ людей“ сказалъ поэтъ, и вотъ куда всѣ—туда и какой нибудь титулярный совѣтникъ Акакій Акакіевичъ Банмачкинъ. Долго обходилъ онъ всѣ ближнія и дальнія окрестности пока не пріискалъ себѣ гдѣ нибудь на Черной рѣчкѣ, въ Парголовѣ, или Новой деревнѣ не то сарайчикъ, а не то избушку на курьихъ ножкахъ, громко величаемую „дачей“. Прекрасная дача, рассказываетъ потомъ Акакій Акакіевичъ сослуживцамъ. Правда, нѣсколько далеко приходится ходить въ департаментъ—но что за бѣда! Это полезно для здоровья. Правда неудобно немного, что „дождь сквозь крышу лететь“—ну, да ничего,—это разнообразіе. Наконецъ неприятно—что вѣтеръ часто пронизываетъ до костей—это позія! Ну словомъ пословица: „Охота пуще неволи“ все объясняетъ.

Однообразно проходятъ дни, одинъ какъ другой, Акакій Акакіевичъ путешествуетъ ежедневно въ департаментъ, Матрена Марковна готовитъ обѣдъ, по вечерамъ они вмѣстѣ выходятъ на прогулку для возбужденія аппетита и такъ день за днемъ прошло бы и все лѣто, а вы, если бы какъ нибудь случайно не встрѣтились съ ними, и не подозрѣвали бы объ ихъ существованіи. Но судьба очевидно рѣшила иное. Талантливый художникъ коварно подстергъ почтенную парочку и теперь даритъ насъ двумя прелестными типами. На огромномъ канцелярски опрятномъ дворѣ, окруженномъ канцелярски правильнымъ частоколомъ, за которымъ виднѣются канцелярски чахлые кусты ракирки, подъ прозрачной сѣнью жидкой березы,—этого неизбѣжнаго украшенія двора петербургской дачи, за столомъ уставленнымъ разной посудой, сидятъ въ домашнемъ дезабилле кругленькій Акакій Акакіевичъ и его дражайшая половина. Онъ обдуманно, методически и важно, какъ бы совершая дѣло первостепенной государственной важности, разительно чиститъ ягоды и повидимому за что-то извѣтельно коритъ свою благовѣрную. И такъ проводятъ они долгіе и счастливыя часы, соединяя „пріятное съ полезнымъ“.

Старое старится—молодое растетъ.

На опушкѣ лѣса, невдалекѣ отъ деревушки пріютился старій, сѣдой какъ лунь дѣдушка. Спроси, сколько ему лѣтъ,—онъ чай и счетъ потерялъ. Завелъ онъ себѣ пчелникъ, поставилъ для охраны образъ св. Зосима и Савватія, покровителей пасѣчниковъ—и доволенъ. Встанетъ дѣдушка рано рано утромъ, умоется студеной водицей, помолится на образа, за пчелками присмотритъ, да и пойдетъ на солнышкѣ грѣться, лежитъ онъ и смотритъ, какъ пчелки со цвѣтка на цвѣтокъ перелетаютъ, и лобо ему на своихъ питомцевъ глядѣть. На небѣ ни облачка, изъ лѣсу слышно щебетаніе птицъ, выбѣжитъ на опушку и сѣрый зайчышка посмотритъ-посмотритъ вокругъ, да и повернетъ трусливо назадъ. Такъ живетъ дѣдушка изо-дня въ день. Чего ему больше надо? Кругомъ приволье,—тишь, да гладь, да Божья благодать!

Но вотъ парящая вокругъ него невозмутимая тишина внезапно нарушается. Вышли ребятишки въ поле погулять, да и вспомнили о дѣдушкѣ: „Пойдемъ дѣдушку навѣстить, онъ насъ медкомъ свѣжимъ угоститъ, огурчикомъ“. А дѣдъ и радъ—любитъ старина дѣтей, сейчасъ имъ бурачекъ душистаго меду вынесетъ: „на-те, кушайте, голубчики, на здоровье. Не взъщитѣ: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Эхъ! огурчикъ-то одинъ всего остался—кому-жь его дать-то?“ И тянутся дѣтскія руки за огурчикомъ, сестренка поровитъ отбить его у брата. „Миѣ, дѣдушка, миѣ!“ кричатъ они наперерывъ. Дѣдушка помирить ихъ, дастъ огурчикъ самой маленькой, усидитъ дѣтей около себя подъ деревцомъ, и пойдетъ имъ рассказывать что онъ видѣлъ, что слышалъ, про свои молодые годы, и вздохнетъ наконецъ старина: „Эхъ, и я былъ когда то малый, да удалый, не хуже васъ, да умаялся. Видно старое то „старѣется, а молодое растетъ“.

„Модница“ съ картины Журавлева.

Еще бантикъ... тутъ булабочку... Немного пудры... и кончено. Я готова.—me voilà! Недурно, съ озабоченнымъ выраженіемъ физиогноміи рѣпаетъ „Модница“, кокетливо охорашиваясь передъ зеркаломъ. Недурно. Однако какъ скоро летитъ время—уже однацать часовъ—пора ѣхать. Жаль только, что несносный Мишель никогда миѣ не сопутствуетъ; онъ вѣчно копается въ своихъ скучныхъ книгахъ. Противный! Предпочитаетъ книги миѣ Я. право не понимаю, что онъ въ нихъ находитъ... Впрочемъ, чтожь? Тѣмъ хуже для него... Баль, по всей вѣроятности удастся на славу. Тамъ будетъ... но не все-ли миѣ равно, кто тамъ будетъ? Пойду проститься съ Мишелемъ,—и черезъ минуту она уже въ кабинетѣ мужа. Въ небольшой, заваленной книгами и бумагами комнатѣ за большимъ письменнымъ столомъ сидитъ за работою Мишель.—Я пришла съ тобой прогнаться мой другъ—миѣ пора ѣхать. Поѣдемъ вмѣстѣ! Не хочешь? Ну, не хо-

чешь, такъ какъ хочешь... А propos, неправда-ли, какъ это мило, показываетъ она свое роскошное платье.—О да, чрезвычайно мило! Прелестно! Ни минуты не колеблясь, съ величайшею охотою соглашается Мишель.—Я хотѣла было одѣть бѣлое платье... des bouillonées... des bouillonées... partout des bouillonées! Оно, кажется, лучше. Но вѣдь и это платье недурно? Неправда-ли, мой другъ, вѣдь и это также недурно? О просто прекрасно! снова соглашается створчивый супругъ.—Ну мнѣ пора,—прощай!.. Да смотри, не засиживайся же слишкомъ долго, а то ты со-всѣмъ испортишь себѣ глаза... Но я никогда не уй-

стому гостей, ей все еще слышатся опьяняющіе звуки шопеновскаго вальса, а ея отуманенное воображеніе такъ неотвязно, такъ живо представляетъ нѣжный взоръ избранника ея сердца, робко молящій о свиданіи. Какъ быть?! Мучительный вопросъ Гамлета: «To be or not to be» ни на минуту не даетъ ей покоя. О какъ трудно рѣшиться! Она никогда еще не была въ комъ положеніи, никогда еще не испытывала ничего подобнаго. Но запрещенный плодъ такъ сладокъ, избранникъ такъ милъ, что еще нѣсколько мгновеній перфидительнаго колебанія, какъ глушое shocking побѣжденіе и, она, будь что будетъ, дрожащей рукою чер-

Водоной, ориг. рис. В. Д. Полѣнова.

В. Д. Полѣновъ, одинъ изъ талантливейшихъ представителей нашей молодой живописной школы, провелъ два мѣсяца въ Сербіи, куда поѣхалъ съ художественными пѣльями, но какъ русскій человекъ былъ увлеченъ событиями и попалъ въ добровольцы, въ конный отрядъ, дѣйствовавшій подъ командою полковника Андреева. Война впро чемъ не помѣшала ему вывезти изъ Сербіи массу этюдовъ и красками и карандашемъ. Его путевой альбомъ является почти единственнымъ „альбомомъ“ русскаго художника-доброволь-

Издатель передъ подпиской,
ориг. рис. Яблочина.

ду!.. Ахъ! Нѣтъ, нѣтъ, бѣлое платье. . des bouillonées... partout des bouillonées... было бы лучше, гораздо лучше, со вздохомъ произноситъ она уже въ дверяхъ и, сдѣлавъ пируэтъ, исчезаетъ... Бѣдный Мишель!..

Первая любовная записка. Прелестная бѣлокурая миссъ, судя по роскошному костюму, только что вернулась съ блестящаго бала. Въ ея хорошенькихъ глазахъ все еще мелькаютъ ослѣпительные огни канделябръ, разнообразные лица и ко-

титъ безсвязныя слова любовной записки: «Приходите... завтра вечеромъ Маманъ не будетъ дома... Я васъ жду». Однако не смотря на эту безсвязность какое глубокое, ни съ чѣмъ не сравнимое впечатлѣніе производятъ эта коротенькая записка на ея счастливаго получателя — для него навѣрное не найдется въ эту минуту такого chef d'oeuvre? поэзии, который восхитилъ бы его такъ, какъ эта «первая любовная записка» хорошенькой миссъ.

на въ Сербіи». Съ дружеской предупредительностію В. Д. Полѣновъ предоставилъ весь этотъ альбомъ въ распоряженіе ред. „Пчелы“, его печатаніе начнется приблизительно съ № 4, а въ настоящемъ № мы помѣщаемъ изъ него лишь одну небольшую виньетку, представляющую сербскихъ всадниковъ у водоной, чтобы имѣть поводъ заявить нашимъ читателямъ объ этомъ интересномъ приобрѣтеніи.